

ВАЛЕРИЙ ЛАВРУСЬ

ПОБЕГ НА КРАЙНИЙ СЕВЕР

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Валерий Лаврусъ

Побег на Крайний Север

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Лаврусъ В. П.

Побег на Крайний Север / В. П. Лаврусъ — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5692-3

Конец 90-х. Бросив теплую институтскую лабораторию, аспирант Шурка Ребров срывается к брату на север Сибири. Теперь ему предстоит выживать среди суровых северных парней, в полевых условиях, в холоде и жаре, среди бескрайних болот и озер. Книга — дипломант XI конкурса Международной литературной премии имени П.П. Ершова (Ишим, 2016); лауреат книжного конкурса XXIII кинофестиваля «Вертикаль» (Москва, 2020).

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5692-3

© Лаврусъ В. П., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Побег на Крайний Север	6
Overture	6
Рассказ первый. Первая полевая работа	11
Интермедия. Колька	14
Рассказ второй. В ответе за тех, кого приручили...	18
Интермедия. Ваня	29
И ещё про Ваню. Хотя нет, про Наташку	33
Рассказ третий. Зачем в тундре верёвка?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Павлович Лаврусъ

Побег на Крайний Север

Повести

* * *

© Лаврусъ В.П., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

* * *

*Памяти старшего брата Вячеслава посвящается... Господи,
помяни раба твоего Вячеслава.*

Побег на Крайний Север

Ouverture

Шурка всегда мечтал стать космонавтом.

Но уже в раннем детстве он точно знал, что не хотел бы быть командиром космического корабля, а хотел бы стать бортинженером.

Об этом свидетельствует его старенькая фотография. На снимке ему четыре года, он запечатлён сидящим на полу перед раскрытым журналом «Радио» с паяльником в руках. Средний брат, посмеиваясь, утверждал, что Шурка паял неплохие транзисторные приёмники, которые умещались в пластиковые мыльницы. Меньше тогда делали только японцы. Не верите? По байкам же среднего, приёмники эти Шурка отдавал старшему брату Ярославу, а тот рассказывал друзьям и девушкам, что собирает их сам. Старший учился на радиофаке авиационного, и ему верили.

К пяти годам Шурке надоело собирать приёмники и фотографироваться с паяльником в руках, он увлёкся чтением космической фантастики, коей стараниями старших братьев в доме было просто завались. Читал фантастику ему всё тот же средний брат – Игорь. Это были времена, когда американцы летали на Луну и весь мир, затаив дыхание, смотрел лунные репортажи американских астронавтов. Шурка с братом тоже смотрел – в программе «Время», по древнему телевизору «Рекорд».

Кстати, знаете, кто выиграл лунную гонку? Американцы? Ничего подобного! Им пришлось пять раз слетать, чтобы понять: делать там нечего! Русские поняли это сразу, а потому туда даже не сунулись, хотя старательно делали вид, что собираются. Американцы на той лунной авантюре потеряли двадцать пять миллиардов. Сегодня это четверть триллиона, не меньше. Потом русские пытались соблазнить американцев полётом на Марс, но случилась перестройка, и никто никуда не полетел. Последний раз Путину почти удалось подбить их вернуться на Луну. Джордж Буш был натурой увлекающейся, но не вовремя пришедший афроамериканец Обама под выданной авансом Нобелевской премией мира похоронил мечту миллионов простых американцев о возобновлении лунной экспансии. Другие дела обнаружились, более глобальные. Сегодня Маск засобирается на Марс, но это мы ещё посмотрим.

Вернёмся, однако, к Шуркиной мечте...

Ясно видящий цель и решительно настроенный, он пошёл в школу. Космонавт должен быть грамотным!

Но с учёбой сразу не заладилось. И через год Шурка случайно подслушал разговор двух учителей начальных классов:

– Наверное, Шура Ребров будет, как его старшие братья, отличником. И как старший получит золотую медаль! – говорила одна.

– Нет! – отвечала другая, его первая, учительница. – Ему бы говённую получить...

Осознав горькую правду жизни, Шурка простился с будущей звёздной карьерой. «Таких не берут в космонавты!»

Но в конце третьего класса его приняли в пионеры и вдохнули новые силы и новые надежды, ведь пионерская дружина носила имя Андриана Николаева, космонавта номер три! И уже в пятом, в сочинении на тему «Кем ты хочешь стать?», Шурка написал: «Хочу стать астробиологом». Ему ещё в детстве до смерти надоели эти бездушные транзисторы, резисторы и с ними вместе взятые конденсаторы – хотелось изучать живое, настоящее: разных инопланет-

ных кошек или собак, а заодно повстречаться с инопланетным разумом. Учительница русского впала в ступор. Она не читала «Туманность Андромеды» и абсолютно не представляла себе не только инопланетный разум, но и вообще инопланетную жизнь. А Шурка твёрдо верил – таковая есть и только ждёт, чтобы её открыли. С верой обретаются упорство и силы.

К седьмому он стал отличником, таким круглым, что аж катался. Всё начало складываться как нельзя лучше, но тут случилась новая беда: Шурка, как положено «ботаникам», стал очкариком. Он ни разу не видел космонавтов в очках и осознал, что дорога в космос в очередной раз закрылась.

Это была катастрофа!

Но снова произошло чудо: Шурка с мамой поехал к старшему брату в Грузию. Брат служил офицером измерительного пункта наземного комплекса управления космическими средствами в горах Кавказа. И там Шурка увидел офицеров в очках и понял: сюда, именно сюда, в космические войска, ему дорога! Пусть он сам не полетит, но он будет управлять космическими кораблями с Земли. И после окончания школы, лишь чуть посомневавшись, Шурка поступил в авиационный институт на радиотехнический факультет (опять транзисторы!). Именно студентам радиотеха на военной кафедре давали нужную Шурке военную специальность – «Контрольно-измерительные системы космических средств».

Институт тот (кстати, носил он имя отца советской пилотируемой космонавтики Сергея Павловича Королёва) уже давно стал родным для его семьи. Его окончили оба Шуркиных брата. Старший после диплома и армии ушёл в аэрокосмогеологию. Средний к моменту поступления Шурки трудился в конструкторском бюро, где разрабатывали и собирали спутники фоторазведки, а рядом с конструкторским бюро был завод, на котором выпускали не только знаменитые моторные лодки «Прогресс», детские санки и сковородки, но и не менее знаменитые ракетоносители «Союз». Средний сразу пошёл в космическую отрасль. «А не я ли тому причина?» – думал Шурка, ведь это он заставлял Игоря читать ему в детстве космическую фантастику. Согласитесь, это не могло не наложить отпечатка на личность брата.

Долго ли, коротко ли, через пять весёлых лет, успешно заканчивая обучение в институте, Шурка подал рапорт, в котором изложил своё желание служить Родине. И... получил отказ.

Опять между Шуркой и звёздами встали очки!

Космические войска в то время подчинялись Ракетным войскам стратегического назначения, а в РВСН существовал жёсткий ценз по зрению. Шурка подал ещё два рапорта, но добился лишь того, что его вызвал начальник военной кафедры полковник Пронин и популярно – так сказать, на пальцах, – объяснил, что если Ребров подаст хотя бы ещё один рапорт, то он положит свои погоны, но оставит Шурку без диплома. (На каждый рапорт полковнику приходилось делать кучу отписок, и Ребров его уже задрал.) В своей речи полковник не стеснялся идиоматических выражений, говорил образно, доходчиво... но потом вдруг замолчал, пожевал губу и сказал: «Ты извини, сынок. Я знаю, твой отец – офицер-фронтовик. И брат твой служил в наших войсках. Но не могу я тебя туда отправить. Понимаешь? Не-мо-гу!» И Шурка опять остался на Земле.

Следующие три года он работал в родном институте – в лаборатории, которая конструировала волоконно-оптические датчики перемещений всего лишь для самолётов. В перспективе Шурка отучился бы в аспирантуре, защитил бы кандидатскую диссертацию, а потом, глядишь, и докторскую... Но грянули девяностые, и жить, а тем более содержать семью на институтскую зарплату – Шурка женился ещё на четвёртом курсе, а на пятом родился сын – стало невозможно.

К тому же начались семейные неурядицы. Пять лет после свадьбы – первый кризис. Шурка как-то быстро запутался в женщинах. И старший, видя Шуркины метания, позвал его на Север, в поселок Северный, в Аэрокосмогеологическую партию.

А вот начальником той партии был... Нет, не поверите! Герой Советского Союза, лётчик-космонавт... да, собственно, не важно, какая у него была фамилия, главное – это был самый настоящий космонавт! И пусть Шуркина мечта не сбылась, пусть он никогда не полетит в космическом корабле (взмахнув рукой и сказав: «Поехали!»), но для него много значило, что он будет работать с человеком такой необыкновенной профессии. К тому же в посёлке их, аэрокосмогеологов, так и называли – «космонавты»...

Про «космонавтов». Отступление

Как-то в мае (то ли 92-го, то ли 93-го) полевая бригада Аэрокосмогеологической партии поехала в одну из сейсмопартий с задачей провести подповерхностную радиолокацию некоторых участков сейсмических профилей...

Нет-нет... мы не будем вдаваться в подробности этого геофизического метода, они захватывающе интересны, но не имеют прямого отношения к повествованию.

Приехали в «сейсму» поздно вечером. На партийном (именно так! Не на партийном, а партийном) узике-«буханке». Заселились в балок, поужинали и легли спать.

К тому времени весь личный состав партии уже съехал – оставалось буквально три человека. Одного из них аэрокосмогеологи видели при въезде на территорию партии: тот вывалился из дверей вагончика – босой, по пояс голый, с охотничьим ружьём, которое он безуспешно пытался переломить – хотел вставить патрон. Пьян – в умат! Непокойный оставался коллектив в партии, мятежный...

В четыре утра к ним без стука ввалился водитель вездехода и зычным голосом потребовал:

– Космонавты! Кто у вас командир корабля?

Старшим в бригаде был Шуркин брат Ярослав, он и отозвался согласно этикету сейсмопартии, мол, кому и какого надо в такую рань?

– Не сердись! – примирительно сказал водила. – Пилоту своему разреши сгонять со мной до бабульки. Ракетного топлива купим...

Полевое правило номер один гласит: хочешь иметь хорошие отношения – иди людям навстречу. И старшой махнул рукой: «Поезжайте!»

Через час гонцы вернулись с трёхлитровой банкой самогона и пару часов «заправляли баки». А по окончании Коля Незавибатько – так звали водителя вездехода ГАЗ-71 – пришёл в балок с предложением прямо сейчас, прямо в семь утра, отвезти бригаду на работу.

И повёз! По пути специально роняя вездеход в снежницы. В мае на болотах Севера ещё всю лежат снег, но уже много протаек – снежниц. После каждого такого попадания водитель «строил» космонавтскую бригаду – те цепляли к гусеницам брёвна с крючьями, и Коля, надрывно ревя двигателем вездехода, выползал из снежно-водяной ямы. На пятой или шестой снежнице один из аэрокосмогеологов – Николай Колганов – пообещал набить тёзке морду, если тот ещё раз рюхнетя в лужу. Водила пытался отбрехаться, мол, «ничего же не видно». Но Колганов ему популярно, согласно этикету сейсмопартии, объяснил, что и сам десять лет отработал на полярном Урале и всё прекрасно видит и никак не поймёт, *гля* чего (именно так, с тюменским выговором, не «для», а «гля»), так вот, *гля* чего он всё это делает? Водила внимательно выслушал Кольку, оглядел остальных, снял треух, почесал затылок и сказал:

– Так вы же из Москвы вроде? Космонавты ж, говорили... Почуть хотел...

Хороший оказался мужик Коля Незавибатько – аэрокосмогеологи с ним потом стали большими друзьями.

А Север для Шурки стал стартовой площадкой.

В 94-м в Северном проходила выездная конференция ГИС-Ассоциации. К тому времени Шурка вплотную занимался геоинформационными системами и обработкой аэрокосмических снимков Земли. Конференция прибыла на летающей лаборатории Ту-154 Центра подготовки космонавтов. А возглавлял делегацию человек-легенда, человек-миф, дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт, генерал-майор авиации, начальник Управления теоретической и научно-исследовательской подготовки Центра подготовки космонавтов Владимир Александрович Джанибеков!

Если набраться смелости и выбрать десять самых выдающихся космонавтов-астронавтов-тайконавтов Земли, то наряду с Юрием Алексеевичем, Джоном Гленном, Нилом Армстронгом, Алексеем Леоновым и Ян Ливэем в этот список нужно обязательно включить Владимира Джанибекова. Пять полётов. Ручные стыковки, разморозка и реанимация «мёртвой» орбитальной космической станции «Салют-7». Полёты с женщиной – что само по себе подвиг. Два международных полёта... Титан! Глыба! И при этом – художник и мечтатель.

И такой человек прилетел в Северный.

Руководство аэрокосмогеологической партии – к тому времени собственный космонавт уже два года как уехал на Большую землю – во что бы то ни стало решило залучить к себе в гости генерала Джанибекова. И Шурка (о чудо!) был лично представлен Владимиру Александровичу как молодой, но перспективный специалист в области обработки аэрокосмических изображений.

Через два года, уже работая в Северной нефтяной компании, он в составе «сборной» посёлка был приглашён в Центр подготовки космонавтов для обучения и получения второго высшего образования.

А в мае 97-го в Звёздном состоялась защита диплома, где «сборная» из рук Джанибекова получила сертификаты ЮНЕСКО и дипломы о втором высшем образовании.

Добрался-таки Шурка до Звёздного. И даже учился в Центре подготовки космонавтов. Если мечтаешь и веришь в свою мечту, она тебя обязательно доконает.

Но, конечно, то был не полёт в космос – то была только учёба...

А в космос он чуть не полетел в 2000-м. Во всяком случае, так он всем рассказывает...

Пришел как-то Шурка с работы, а Соня – жена – из кухни кричит:

– Шурка, там на полке, возле телефона... письмо из ЦПК – посмотри!

Шурка вскрыл, а там... Сердце лихорадочно забилося.

– Что там? – спрашивает Соня.

А Шурка отвечает:

– Приглашение в Центр.

– Зачем?

– А я не рассказывал? У них в проекте одного из выпускников отправить в космос. Пока учились, проходили медкомиссию. Я – готов.

К тому времени очки уже не были преградой к полётам: первый французский космонавт Жан-Лу Кретъен успешно слетал в космос в очках.

– К чему готов? – пришла уточнить Соня.

– К подготовке к полёту. Вот. – Шурка протянул письмо. – Приглашают на полгода на предполётную подготовку.

Услышав такое, из своей комнаты вышел пятнадцатилетний сын Влад, взял из рук отца письмо, быстро пробежал глазами и улыбнулся:

– Всё, маменька, собираемся в Звёздный – сбывается батина мечта!

Соня бессильно опустила на стул.

– Когда лететь-то?

– Ну эт ты подожди... Нас же троих отобрали, – не моргнув глазом, продолжал вдохновенно врать Ребров. – Может, я ещё и не полечу! Одного должны выбрать. Хотя если лететь на «шаттле»... – распухал от важности момента Шурка.

Услышав про «шаттл», супруга оживилась и рванулась к письму.

Да-да. Это было всего лишь приглашение на очередную конференцию... А казалось – всё было так близко...

Полотенцем по дурной голове Шурке, конечно, досталось... и Владу тоже. А нечего подыгрывать отцу. Подвёл их «шаттл»! «Лучшее – враг хорошего». Надо было сказать про «Союз». Глядишь, Соня начала бы укладывать чемоданы... А там... Мысль – она материальна...

Минуло четверть века.

Шурка и теперь связан с делами космическими. Он часто использует в своей работе материалы космической съёмки. Да и так интересуется: что, кто, куда и когда взлетел. И нет ему покоя ни светлым днём, ни тем более тёмной ночью... Вот, пожалуй, и всё.

Хотя нет – осталось несколько фактов, подтверждающих, что всё было не просто так...

Детский сад, в который он ходил, назывался «Ракета».

Сын Влад после армии полгода проработал на заводе «Прогресс» и даже участвовал в трансляции запусков кораблей «Союз».

В Северном Шурка жил на улице Космонавтов.

А ещё: во сне он до сих пор летает...

Рассказ первый. Первая полевая работа

Представить Север без вездеходов невозможно. С них всё начиналось. На них доставляли первые грузы, с них выбирали места для будущих городов и посёлков, ими осваивались месторождения. Нередко они становились домом для геологов и первопроходцев.

Вездеходов на Севере два типа: тяжёлый – ГТТ, в народе «гэт», и лёгкий – ГАЗ–71, «газушка». Вертолётам поставлено много памятников, вездеходам – всего один, в Надыме. Но первая Шуркина полевая работа напрямую оказалась связана с вездеходом. Так прямо, что прямее некуда.

Итак, он приехал на Север...

Нет! Надо писать честно.

Он сбежал (именно сбежал, да, так правильно) на Север от своих женщин в девяностом внедрять с братом новый геофизический метод – подповерхностную радиолокацию. Метод этот позволял «заглянуть» под землю на глубину в пару десятков метров. Специальность у Шурки имела подходящая – радиоинженер, хотя в инженерной геологии, где был востребован метод, и в аэрокосмогеологии, чем занималась аэрокосмогеологическая партия, он был ни бум-бум. Но, как говорят, глаза боятся – руки делают, человек всему научиться может.

Основными потребителями информации о строении земной поверхности на Севере были строители, автодорожники, экологи и сейсморазведчики. Последние предлагали самый большой объём работ, а ещё для них всё выполнялось в реальном времени. Как раз к приезду Шурки поспели первые опыты промышленной эксплуатации подповерхностной радиолокации в сейсморазведке.

К этой работе Славка (Ярослав) Ребров и уже упомянутый Колька Колганов сделали из многослойной фанеры здоровенную антенную систему-сани. Ширина их была в колею вездехода, столько же в длину. Предполагалось, что транспортировать её будет или «гэт», или «газушка». Система задумывалась гибкой, чтобы под нагрузкой могла гнуться и не ломаться. Ярослав как выпускник авиационного института считал, что основа прочности авиации – в гибкости, и, исходя из этой аксиомы, крепил все важные узлы саней резинкой от тросов. В целом антенная система получилась серьёзная и заслуживала всяческого уважения... Одних шурупов и эпоксидки ушло килограмма по два.

С такой гибкой халабудой они втроём – Славка, Колька и Шурка – выехали в расположение четырнадцатой сейсморазведки Тюменской геофизической экспедиции. Основной целью их работы стала выдача рекомендаций по глубине закладки тротиловых шашек. Сейсморазведка по тем временам была только взрывная. Рекомендации выдавались на основе данных лоцирования сейсмопрофилей, каждый из которых доходил до десятка километров в длину. Работа была рассчитана на пару недель. Жили в вагончике.

Заметим: Шурка на полевые попал в первый раз. До этого весь его опыт полевого складывался из житья на Волге в палатке летом, лыжных прогулок на полдня в самарской деревне и книжек Санина про Антарктиду.

Конечно, его экипировали... Унты, тёплые штаны, водолазный свитер, полушубок, рукавицы, ушанка. Всё чин чинарём. Для Шурки такая одежда была внове, особенно унты – до этого он их видел только в кино про полярных лётчиков. Ну и погода его удивила: конец марта, а за бортом – минус двадцать пять!

Так как Шурка только приехал и ничегошеньки не умел, ему поручили самую простую, но ответственную работу. Он сидел в багажнике «гэта», отдельно от остального экипажа – Славки, Кольки и механика-водителя – с регистратором в руках и следил за его работой. Багажник холодный, загружали Шурку в него во всём обмундировании, вручали регистратор и тщательно

задраивали тент, после чего он уже за бортом не видел ничего. А и смотреть было особо не на что, вездеход на ходу поднимал облако снежной пыли, которая, кстати говоря, набивалась во все дыры, и после прохождения профиля Шурку откапывали лопатой. Такая у него теперь была творческая работа.

Лоцировали обычно часов по пять. Потом приезжали. Варили макароны с тушёной или разогревали рисовую кашу с мясом, ели, выводили данные с регистратора, общались с главным геологом партии, выдавали рекомендации, намечали план работы на следующий день, опять варили макароны с тушёной, ужинали и ложились спать.

Представляете, ещё вчера Александр Ребров в чистенькой и наглаженной троечке ходил по тёплым этажам второго корпуса родного авиационного института, его окружали интеллигентные люди, красивые и умные девочки, профессора и доценты интересовались его мнением – и сам он уже потихоньку собирал материал для диссертации, а теперь? Теперь вокруг дикие и грязные сеймики, вонь, соляра, громяющий вездеход, обмороженные уши, заусенцы на пальцах... и его никому на хрен не нужное мнение. Ибо он ничего не знает, не понимает, и вообще, куда интереснее выслушать рассказ пьяного буровика, что разбуривает профили под закладку зарядов. Такая метаморфоза. Но... «Бачили очі, що купували!»

Прошла неделя. Шурка даже уже как-то стал привыкать к работе. Пытался вникать в процессы вывода информации, а вечерами с любопытством прислушивался к разглагольствованиям Колганова. Колька был Настоящим Геологом и в жанре демагогических монологов начитывал братьям курс геоморфологии. Братья внимали.

Вживался Шурка.

Это случилось на восьмой день их пребывания. Есть такое «это», которое обязательно случается, и, как правило, в самый неподходящий момент.

Всё было как обычно – утро, завтрак, погрузка в вездеход, транспортировка антенной системы на крыше вездехода, разворачивание её в режим скольжения за вездеходом, загрузка Шурки в багажник, подключение системы, движение, лоцирование...

Пошло «не так» часа через полтора. Они уже заканчивали первый на сегодня профиль, когда кабели, соединявшие антенну-сани и регистратор, вдруг натянулись и завибрировали. Обычно они свободно провисали и покачивались в такт движению вездехода. Шурка стукнул в стенку кабины, но из-за грохота его не услышали. Про себя он прикинул, что скоро остановка, и повторно стучать не стал.

Только Шурка расслабился, раздался удар, и тут же вырвало один из кабелей. Шурка грохнул в стенку так, что в этот раз его услышали сразу – вездеход резко встал. Шурка выглянул из-под тента – сани антенной системы одной лыжей налетели на пенёк, систему перекосило, обрвало один из тянущих тросов и кабель.

Обрыв кабеля означал, что придётся ехать обратно на базу и всё перепаивать. Оценив ситуацию, Шурка выключил регистратор, снял его с себя и полез из багажника. Перебравшись через борт, он глянул назад – снег был совсем рядом – прыгнул и тут же утонул по грудь. «Ни фига себе!» – удивился он и стал разворачиваться, чтобы выползти к колее.

В этот момент вездеход, чтобы освободить натяжение оставшегося троса и кабелей, начал сдавать назад. И сдавал он, зараза, со скоростью большей, чем полз Шурка, и брюхом подмял Реброва.

Было ли Шурке страшно? Наверное, нет. Всё случилось слишком быстро. Он даже толком не понял, что произошло. То есть так-то всё понятно! Но неожиданно.

Шурка лежал, вдавленный в снег, а вездеход ещё некоторое время продолжал двигаться, но потом встал. Шурка понимал: надо дать знать, что он здесь, под вездеходом, но ни крикнуть, ни пошевелиться не мог, даже вздохнуть толком не получалось. Прошла минута, за которую Шурка много чего передумал, и тут вездеход начал двигаться обратно, освобождая Шурку из

снежного плена. Как только он съехал, Славка с Колькой подхватили младшего Реброва под руки и принялись трясти, бесконечно спрашивая: «Ты как? Как? Нормально? Как ты?»

Чудаки люди. Человек только что побывал под вездеходом, а они его трясут!.. Да всё у него нормально, вот только спина...

Всем экипажем Шурку втащили в кабину, уложили на скамью, подстелив полушубок, сели и закурили.

– И мне дайте... – голосом умирающего попросил Шурка.

Славка дрожащими руками достал из пачки сигарету, подкурил и сунул брату в рот:

– Ты на хрена из багажника вылез? – спросил он.

– Хотел сани оттянуть. – Шурка выпустил дым.

– Э! – Колганов обычно так начинал обращение к людям. – Э! – В этот раз он обращался к механику-водителю. – Я тебе сразу крикнул: «Стой!» А ты? Гля чего ехал, водила хренов?

– А чё я? – У водителя, когда он затягивался, тоже мелко тряслись руки. – Я сразу и встал.

Колька потёр лицо и повернулся к Славке:

– У нас водка в вагончике осталась?

– Есть бутылка.

– Поехали!

– Сани погрузить надо. – Славка взял перчатки и стал их натягивать. При этом он внимательно смотрел на Шурку. – Твои тётки меня поубивают...

– Шутишь? – Кряхтя, Шурка попытался приподняться.

– Куда? – дёрнулся Славка. – Лежи!

– Отвали, Слав! Я что, и когда поедем, лежать буду? Мне так все позвонки вытрясет.

Схватившись рукой за борт, Шурка подтянулся и сел.

Славка с Николаем вылезли наружу. Увязая в снегу и матерясь, они загрузили сани на крышу, через пять минут «гэт» уже ехал на базу.

Той ночью Шурке приснился сон. Лежит он, подвернув под себя ногу, в заснеженной долине, и ему не хватает воздуха. Казалось бы, ничто не мешает, но он задыхается и никак не может вдохнуть полной грудью. От этого внезапно накотившего удушья Шурка мгновенно проснулся – видимо, здорово его придавило.

Впрочем, уже через день спина позволила ходить и даже работать, а ещё через неделю Шурка совсем забыл о ней.

А вездеходы в Шуркиной северной жизни ещё не раз доставляли удовольствие общения с ними. То их нужно было вручную вытягивать из болота, вырубая полгектара леса. (Но это водитель-механик – дурак, а вездеход ни в чём не виноват.) То у них на тридцатипятиградусном морозе обрывало «палец» в гусенице, и приходилось махать кувалдой, загоняя новый на место, поминутно меняясь с тем же Колгановым – на морозе быстро сбивается дыхание и запросто можно получить воспаление лёгких. Но тут уж ничего не поделаешь: в тридцать пять и сталь становится хрупкой. То...

В общем, всякое было.

Так прошла первая Шуркина полевая работа, во время которой он близко – можно даже сказать, по-семейному тесно – познакомился с вездеходами, нет-нет, да и прихватит поясницу – и только укол анальгина может привести в чувство.

Так начался его Крайний Север, который растянется на долгие годы. Пройдёт совсем немного времени, и он, этот Крайний Север, станет Шурке родным и понятным.

Но тогда, в первый раз, Север показался ему жёстким, негостеприимным, даже жестоким. Шурке сразу захотелось всё бросить и уехать. Но он остался. Не потому что геройствовал, просто возвращаться стало некуда.

Интермедия. Колька

Колька Колганов слыл Настоящим Геологом.

Выпускник геологоразведочного факультета Тюменского «индуса»¹, он даже женился на географичке. Свою Варю он повстречал на полярном Урале, где работал после окончания вуза в 1976 году на разведочной буровой. Она приезжала туда на геологическую практику как учитель географии.

В восьмидесятых Колька работал в Тюмени, в Центральной аэрокосмогеологической партии, а в 88-м по приглашению космонавта переехал в Северный. В Тюмени Колька ютился с семьёй в комнатёнке малосемейного общежития. Семья у него небольшая: Варя и сын Сашка, но в Северном Колганову пообещали двухкомнатную квартиру, пообещали и дали.

Шурка познакомился с ним в первый же трудовой день. Был Коля невысокого роста, сухой, крепкий, с длинными чёрными волосами, всклокоченной бородой, в квадратных очках на утином носу. Очки эти у него постоянно ломались – он их чинил, они опять ломались, он опять чинил. На вопрос: «Колганов, ты когда уже себе новые очки купишь?» – неизменно отвечал: «Щас! Я на права в них сфотографирован!» Колька владел «жигулями» – ВАЗ–2101, «копейкой», по тем временам – полноценным автомобилем.

По профессии Колька геолог, по специализации геоморфолог и аэрокосмогеолог. Знающие люди говорили, что Колька – голова и что ему нужно защищать диссертацию, но сам Колганов, сплёвывая сквозь редкие зубы (многих после полярного Урала у него недоставало), говорил, что человек он не научный, а практический. А практик он был... о-го-го! В аэрокосмогеологии его так и называли – «Кулибин».

Был по характеру Колька балагур и чудила, знал бесконечное множество деревенских историй и случаев из жизни буровых полярного Урала и травил свои байки с удовольствием под водочку и солёную рыбку.

– Народ на буровых глубокой разведки, на полярном, – своеобразный. Вахтовики. И не по месяцу-двум, как здесь, а по полгода и больше, пока скважина не отбурится. А бурили такие скважины у чёрта на куличиках – ни тебе городов, ни посёлков. На сотни километров голая тундра. Двадцать-тридцать человек на полгода, и только радио. Почтище любого звездолёта! В основном, конечно, мужики, но три-четыре женщины в коллективе всегда были. Кухонные работники, поварихи там... И весь народ из Белоруссии.

«Прахадзи, не задзёрживай!» – поварихи на раздаче так подгоняли.

За полгода весь коллектив сплавивался и становился родным. Через этих тёток. Там такая ротация была... Сами они друг дружку потом называли «сястра». «Сястра, падай хлеба!», «Сястра, налей чаю!».

И хоть там происходила ротация, всегда обнаруживались признанные авторитеты из мужиков. Работал у нас один тракторист, Сенька Лукашевич. Поварихи говорили про него просто: «Лучше Сямёна никто не яб... т!» Простой народ... Простые нравы. Такие вот... «Прахадзи, не задзёрживай!»

Кроме историй Колька знал ещё много чего, был он неистощимый кладёзь афоризмов, вся партия за ним повторяла: «Насрать, как говорила моя сестра Раиса». Шурка долго думал, что у Коли действительно есть сестра Раиса.

¹ Тюменского индустриального института, с 2016-го Тюменский индустриальный университет – базовый вуз в Тюмени, выпускающий специалистов нефте- и газодобычи.

И всё бы хорошо... но был у Коли один недостаток, который, впрочем, по тем временам ни у кого не вызывал особого неодобрения. Крепко любил Колька выпить. Где бы ни собиралась компания: в гараже ли, у Ребровых ли в радиолокационной, в холле – всё равно, только доставали бутылку и ставили на стол – через пять минут (можно было засекал по часам) появлялся Николай. Как он чуял – загадка природы. Но при этом он никогда не был халявщиком, при наличии денег Колька проставлялся легко и непринуждённо: угощая всех и вся (правда, потом раскручивая на продолжение).

Шурку с Колей кроме работы – первые два года Шуркиного полевого стажа Колганов выезжал практически на все полевые – связывало ещё и то, что Колька стал молодому Реброву негласным наставником и другом. А началась их дружба в мае 90-го. Шурка только два месяца как переехал из Самары и маялся своими большими, как зубы, семейными отношениями.

Летом 89-го он отправил семью в Крым и нежданно-негаданно влюбился в студентку Аню. А уже к ноябрю оказался в цугцванге, из которого брат и попытался его выдернуть. Любовь, она... В общем, бывают крайне болезненные состояния, при которых жить без любимого человека невозможно. Совсем! И хорошо, если это взаимно и человек свободен. А если нет? Вот тогда и возникают проклятые любовные треугольники... квадраты... дьявольские многоугольники... Такая приключилась с Шуркой беда.

Сбежать-то он на Север сбежал, но окончательно решить ничего не мог. С одной стороны, семья – Соня с пятилетним Владом, с другой – Аня, и надо решать, кого везти в Северный. Но не мог Шурка взять и вычеркнуть из жизни ни семью, ни Анну! Никак не мог.

Ища поддержки, Шурка писал маме, но та одёрнула: «Сына хочешь бросить? Знать тебя не желаю!» В целом старший придерживался того же мнения. С братом у него вообще вышел неприятный разговор, Славка обозвал Шурку безответственным маменькиным сынком, хлюпиком, интеллигентским сопляком, неспособным принимать решения. Шурка взбеленился и наперекор всем написал Соне письмо с просьбой дать развод. Как говорится, «принял решение».

Соня развод дала. Но тут не выдержала Аня: «Не хочу быть разлучницей... Возвращайся к семье!»

И всё окончательно запуталось...

С тяжёлым сердцем и нерадостными мыслями ехал Шурка куда-то в район Сутормы (ему было всё равно куда): в грязь, в снег, в распутицу. Выбрав место под базу, аэрокосмогеологи поставили палатку, установили печку и начали готовиться к завтрашней работе. Шурка в приготовлениях участия не принимал: его «никакая» квалификация позволяла болтаться без дела. Под предлогом поиска агатов (в Северном есть страстишка: осколки сердоликов и агатов в песках собирать) он ушёл в лес. Верёвку взял покрепче и ушёл.

В полутора километрах от базы отыскал сосну с веткой потолще, перекинул верёвку, закурил и сел рядом на поваленное дерево.

Мерзкое у него было настроение. На работе не складывалось, его считали белой вороной – а то как же: аспирант! Даже материться толком не умеет. С женщинами дела запутались окончательно. С братом отношения портились на глазах. Тот уже несколько дней совсем не разговаривал с Шуркой, после его письма к Соне о разводе. «Бабы бабами, но главное – семья!» – сказал он брату и постучал кулаком себе по лбу, намекая на умственную неполноценность младшего. Конечно, неполноценность! Шурке тогда всего-то было двадцать шесть. Жизненной мудрости, как у брата, ещё не накопил.

И вот так он сидел, сидел, курил, курил, думал, думал, пока на него не набрёл Николай.

– Э! Ты чего не отзываешься? – Колька пристроился рядом на бревно. – Тебя там ищут... Славка говорит, ушёл за камнями – и уже два часа нет.

Колька закурил, сплюнул, внимательно осмотрел Шурку, глянул на верёвку и... всё понял. Рывком за грудки он поднял Шурку и коротким ударом свалил в снег.

Нет. Топтать он Шурку не стал. Нужно было, наверное, но не стал. Вместо этого снова присел на дерево и достал новую сигарету.

– Охренел, да?! Я давно на тебя смотрю: молчишь-молчишь... Небось о бабах своих всё думаешь? Бабы – зло! Хотя, конечно, без них хреново... Вставай давай... – Колька протянул руку Шурке, но тот отмахнулся. – Зря! Не обижайся. В рожу получил – не обижайся... За дело! Ты, думаешь, один такой? Вон у Марчука подруга в Стрежевом осталась, а он жену с Украины везёт с дочкой. И у нашего космонавта жена молодая... Так что... – Колька несколько раз глубоко затянулся, напустил облако дыма и затушил сигарету о каблук. – Дурака не валяй, снимай верёвку и пошли на базу. Жрать охота.

Шурка нехотя поднялся. Они сдернули верёвку, и пошли к палаткам. Колька шёл и рассказывал «про любовь».

– Любовь у тебя... Конечно, любовь! Только любовь, она ить разная бывает. – Колька размеренно вышагивал, этот его талант часто использовали на полевых работах, Колькой мерили расстояния.

– Жил у нас в деревне дед Митрич. Местный Шукарь. Вечно попадал в разные истории. Раз поехал зимой в Тюмень к сыну, к Саньке. Погостил, а на обратной дороге решил выпить в аэропорту пива. Давно не пил. Выпил пару кружек – и в самолёт. Самолёт Ан-2, местные авиалинии. Взлетели, летят... и тут Митричу в туалет приспичило, по-малому... Идёт он в кабину к пилотам, стучится, второй пилот открывает: «Тебе чего, дед?» А Митрич: «В туалет бы, сынки...» Пилот посмотрел на него, улыбнулся так хитро, подмигнул и говорит: «Ссы в штаны, дед, – нет в кукурузнике туалетов» и закрыл дверь. Митрич постоял-постоял и пошёл на место. «Потом, – рассказывает, – сижусь... ага, а мочи уже нет терпеть-то... и начал, значит, потихоньку себе в штаны пускать... А штаны ватные, толстые, не промокают снаружи, а внутри впитывают». В общем, справил нужду. Хорошо ему стало, и в штанах тепло. А тут и прилетели. Пока с районного центра в неотапливаемом автобусе доехал, штаны промёрзли и колом встали. Пришёл он домой, а Дуся, жены его, нет. Штаны снял и от греха на печку закинул, чтобы Дуся не ругалась. Сидит без штанов, чай пьёт. Тут Дуся от соседки вернулась и носом... носом: «Что это у нас, старьёй чёрт, ссаньём воняет?» А Митрич таким тонким голоском: «Енто откудава, Дусечка? Чать в доме маленьких-то нету». «Да я, – говорит, – чую, что маленьких-то нет – пахнет-то как от старого кобеля!» И на печку шасть, а там Митричевы штаны, и давай его ими охаживать. Потом бросила и говорит: «Чёрт с тобой! Надел. Живи как хошь, а я к Саньке уехала!» Деньги собрала, оделась и ушла, хлопнув дверью. А Митрич обрадовался, положил опять штаны на печку, достал заначку – бутылку самогона – налил, выпил, закурил и говорит: «Ну и хрен с тобой, дура старая! Сама надела!» И ещё налил.

Загулял Митрич. По-чёрному загулял. Сначала всё в доме выпил, потом с друзьями все деньги из заначки пропил. Неделю гулял. Через неделю пить стало нечего, денег нет, друзей тоже...

Лежит Митрич в нетопленной избе под одеялом, с похмелья помирает. А на дворе скотина ревёт. Корова не доена, не кормлена. Овцы голодные – все плетни погрызли.

И тут распахивается дверь, врывается жена и с кулаками: «Ты чего, мать твою суку, устроил, гад фашистский?! Решил мне хозяйство угробить, ага?! Убью!»

А Митрич потом вспоминал: «Лежу я, слушаю её – а у самого слёзы текут: Дусечка моя любима приехала...»

С того майского дня Шурка с Николаем сдружились. О личных делах в коллективе он не распространялся, а с Колгановым мог наговориться вволю и часто бывал у того в гостях. Познакомился с Варей, с его сыном Сашкой. Они – младшие Ребровы и Колгановы – даже потом

«породнились», «поженив» домашних питомцев. Свели ребровского кота Василия с колгановской Мусей. И котят потом вместе раздавали. Но это было уже позже, когда Шурка привёз в Северный семью.

К середине 90-х Николая назначили начальником партии. Партия была в кризисе, Колька хотел её вытянуть, но верхнее руководство его подставило. То ли у Колганова деньги какие-то пропали, которых и так не наблюдалось, то ли ещё что-то стряслось, в общем – беда. И Колька, махнув на всё, запил не хуже Митрича. Потом выкарабкался, но энтузиазм прошёл. В поля ездить перестал, историй не рассказывал. Время от времени оживал в нём прежний Колька Колганов, и тогда в партии его можно было найти по громкому дружному хохоту, но всё чаще это было связано с выпивкой...

В 96-м Шурка из партии ушёл. С Николаем они стали видеться редко. А когда в 98-м покинул партию Славка, отношения братьев с Колгановыми практически прекратились.

Последний раз Шурка видел его на прощании со Славкой в январе 2003-го.

Рассказ второй. В ответе за тех, кого приручили...

Компания «Таркосаленфтегаз» выходила на Восточно-Таркосалинское месторождение. Чтобы понимать, в каком состоянии находится месторождение и как бы там «не нагадить сверх меры», предприятие заказало аэрокосмогеологам экологический аудит.

Это только в жёлтой прессе пишут, что нефтяники и газовики бессмысленно убивают природу и изводят коренное население ради многомиллионных сверхприбылей. Даже в самые тяжёлые годы, в начале девяностых, нефтегазодобывающие предприятия пытались по мере возможности сохранять природные ландшафты и тратили немалые деньги, заказывая работы экологам. Впрочем, и «гадили», много «гадили», чего скрывать?

На основе космических снимков космогеологи оперативно отстроили основу аудита – ландшафтную карту региона. Но карта без наземных наблюдений – что теория без практики. Нужно и мышек посчитать, и травки, посмотреть, и как ведёт себя мерзлота, где и на какой глубине залегают грунтовые воды. В общем, нужны полевые работы.

Нужны – так нужны.

Восточно-Таркосалинское месторождение располагается в двухстах пятидесяти километрах к северо-востоку от Северного, в местах необжитых и пустынных. Единственное средство доставки полевой бригады – вертолёт. Не привыкать!

В десять утра шестого июня братья Ребровы, Александр Григорьевич Золевский и Игорь Марчук с полутонной груза выехали на уазике в аэропорт Северного – для вертолётной заброски. С Золевским был его старый пёс Буран – белая лайка.

Погода стояла гадкая. Начало июня на Севере – переходный период: не весна, не лето... Ни то ни сё. На Севере вообще нет сезонов в привычном для нас понимании. Климат контрастный. Как один хант говорил: *«Сначала пыл снек, потом дощ, потом шар, потом комар, потом пах!»* – *снек пошёл*. В такой «снек, дощ, шар» и выезжали. Мелкий гадкий дождик сыпал с утра.

На вертодроме загрузили в «вертушку» необходимое для работы и проживания на болоте снаряжение: армейскую палатку с разделкой под печку, печку-буржуйку, пару зиловских аккумуляторов, комплект радиолокационной аппаратуры, мотобур со шнеками, пару ящиков с едой, четыре спальника, доски под спальники, лист плотного брезента на доски и ещё кучу всякого, казалось бы, ненужного, но на самом деле такого необходимого барахла – и стали ждать вылета.

Ожидание – дело тоскливое. Когда вертолёт выпустят, никому неизвестно: ни вертолётчикам, ни диспетчерам. Сколько сидеть – непонятно. Вроде бы ложись и спи, но... На вертодроме всегда смертельно хочется курить. Всегда. Было бы можно, так бы не хотелось... Но на стоянке вертолётов даже спички в кармане запрещены, не то чтобы курить или, не дай бог, прикуривать!

Через пару часов маеты наконец-то дали отмашку. Полевики пожали партийному водителю Гришке Бевзенко руку. Шурка жал аккуратно, за день до вылета он нечаянно опёрся ладонью на раскалённый блин электроплиты – всю жизнь имел дело с газовыми, – и теперь перебинтованная рука саднила, под бинтом во всю ладонь наливался волдырь. Запрыгнули в вертолёт, борттехник глянул в салон, пересчитал по головам и махнул рукой командиру. Послышался гул двигателя, и в иллюминаторе замелькали тени от лопастей. Вертолёт начал готовиться к взлёту.

Интересно взлетают вертолёты из аэропорта. Обычно они, раскручивая лопасти, с лёгким наклоном, почти вертикально, взмывают в воздух и ложатся на курс. В аэропорту вертолёт изображает из себя приличный летательный аппарат: выполняет рулёжки, выезжает на взлётно-посадочную полосу, встаёт, ожидает разрешения на взлёт, разбегаётся, отрывается от земли и

некоторое время даже летит невысоко над ВПП... Только после этого, совершив пару-тройку эволюций, набирает положенные 150–200 метров и ложится на курс. Чисто Ту–154, а не Ми–8!

Первый пункт назначения: Тарко-Сале. Время полёта: два часа. Вертолёт заберёт груз, чтобы отвезти ещё дальше на север, а по дороге высадит аэрокосмогеологов.

Ни разговаривать, ни спать из-за грохота двигателей не получалось – дремал только старый глухой Буран. Аэрокосмогеологи торчали в иллюминаторах, рассматривая проплывающие под ними дороги, болота, леса, болота, реки, болота, озёра, болота, озёра, болота, болота, болота, озёра, бесконечные озёра и болота... Некоторые озёра с белыми кляксами, разбросанными по зеркалу воды, отсвечивали изумрудной зеленью. Кляксы эти – грифоны – выходы мёрзлотного газа метана. Не все озёра ещё вскрылись, местами виднелись голубоватые острова льда, но большая часть уже оттаяла и отсвечивала антрацитовый чернотой. Вода сверху – она чёрная, особенно в непогоду.

Через час подлетели к большой реке: Пяку-Пур.

Пяку-Пур – река интересная. Вдоль всего её среднего течения по северному берегу поднимается высоченный – метров в пятьдесят – бруствер, изъеденный песчаными раздувами. Бруствер – останец ледниковой эпохи: вероятно, русло древней реки, вывернутой песчаным дном после таянья льдов километровой толщины. Чуждая природа для глаза выходцев из средней полосы. Чуждая, но прекрасная!

Оставшийся путь вертолёт держался реки – и через час прибыл в Тарко-Сале. Аэропорта там нет, только вертодром. «Вертушка» без особых умствований села и выпустила пассажиров. Заправка и погрузка. Космогеологи отошли в сторону и наконец-то закурили.

– Ты место ещё раз смотрел? – жадно затягиваясь, в который раз мучил Золевского Славка.

– С-сто раз уже смотрел, – заикался Григорич, раздражённо чиркая спичками и подкуривая папиросу (курил строго «Беломор»). – Я же показывал... Там п-проточное озеро. Говорю же: без рыбы не останемся!

Полевая еда – тушёнка, приедается за два-три дня до изжоги, Шурка уже знал по себе. А свежая рыба – это не только свежая пища, но и вкусная пища. Рассказывали, ещё иногда бывает дичь, но редко и в основном осенью. Шурка на неё ещё не попал.

– Ну-ну, – рассеянно покивал Славка.

– Чего н-ну-ну?! – взвился Григорич. – Чего н-ну-ну?! Я же тебе показывал! И Игорю п-показывал!

– Нет там протоки, – отмахнулся Марчук.

– Н-ну, как же нет?! Как же... – Григорич защёлкал замками, доставая из полевой сумки снимок. И они втроём в очередной раз взялись рассматривать место, куда была намечена высадка, споря и отчаянно жестикулируя.

Шурка присел на корточки и почесал Бурану ухо.

– Что, собака? Нам пофигу, куда нас привезут! – Буран закряхтел, открыл пасть, вывалил язык и улыбнулся. – Ну точно пофигу!

– Эй, эколохи! – выкрикнул борттехник. – Готовы?! Командир зовёт. Покажете, где вас выбросить...

Золевский с Игорем рысью потрусили к вертолёту, а Славка в очередной раз принялся «лечить» Шурку с Бураном, как будет проходить высадка:

– ...Золевский и Игорь остаются в вертолёте. Мы с тобой выпрыгиваем. Расстилаем кусок брезента и на него выгружаем, что нам подадут эти. – Он кивнул в сторону вертолёта. – Сначала они подадут доски. Потом – продуктовые ящики и аккумуляторы. Мы их по углам брезента бросим. Потом всё остальное. – Славка теревил загривок Бурана. – Делаем быстро. Эти... – он снова кивнул в сторону вертолёта, – не любят долго висеть над болотом. Как всё выгру-

зим, мужики прыгают с ещё одним куском брезента, мы его раскрываем, укладываем сверху и ложимся на него...

– Чтобы не сдуло, – заученно поддакнул Шурка.

– Чтобы не сдуло.

– А Буран?

– А что Буран? – Славка перестал гладить пса.

– Его как будем высаживать?

– Его-о-о-о... А хрен знает – пускай Золевский решает. Его собака – ему лучше знать, как она на вертолёты реагирует. Как рука?

– Нормально.

– «Нормально», – передразнил Славка. – Башкой соображать надо, куда руку суёшь! Ладно, пошли. Зовут. Буран! Буран! Фьють, айда, собака!

Забрались в вертолёт и расселись по местам. Игорь повернулся к Славке:

– Охренеть! Не знаю, куда они нас посадят... У них полётная карта – пятисотка. На ней ничего не видно.

– Пятисотка? Пятьсот тысяч?! – переспросил Славка.

Золевский с Игорем синхронно кивнули. Славка покачал головой и откинулся к борту.

– Что-то не так?! – сквозь шум запускаемого двигателя поинтересовался Шурка.

– У них карта: в одном сантиметре пять километров! На ней ничего не поймёшь. Ладно, – отмахнулся Славка, – на месте разберёмся!

Вертолёт набрал обороты, оторвался от земли и, круто поднимаясь, полетел на восток.

Минут через пятнадцать командир позвал показать, куда садиться. Славка с Золевским пошли вместе.

– Сейчас они науказывают! – заржал Игорь. – Они друг с другом-то договориться не могут, а теперь командиру все мозги вынесут!

Минут десять вертолёт клонился то влево, то вправо, а потом пошёл вниз. Славка с Золевским вернулись с красными от крика лицами. Видно было, старший Ребров – злой.

– Приготовились! – выкрикнул он.

Ещё через пару минут вертолёт, коснувшись левым шасси моховой кочки, завис. Борт-техник открыл дверь, и Ребровы спрыгнули вниз. Под ногами было сухо, но зыбко, пружинила торфяная подушка. Славка развернул брезентовую подстилку и бросил на землю. Шурка, морщась от боли, принял от Золевского первый ящик с продуктами и ухнул его на один край подстилки. Славка тем временем держал другой. Шурка схватил ещё один ящик, морщиться было некогда, и поставил туда. Славка освободился, и они вдвоём скинули оба аккумулятора. Потом пошли доски и всякое барахло. Через пару минут с вертолёта спрыгнул, подхватив Бурана, Золевский, а за ним – Марчук с брезентом. Игорь и Слава быстро развернули брезент и раскинули поверх вещей.

– Ложись! – показал рукой Славка. Все попадали, накрывая вещи телами. Буран тоже распластался на брезенте, прижав уши. Вертолёт раскрутил лопасти, оторвался колесом от кочки и быстро пошёл вверх, оставляя аэрокосмогеологов на болоте.

– Прибыли. – Славка перевернулся, присел и посмотрел вслед вертолёту, который, набирая высоту, разворачивался и ложился на курс, на север.

Поднялись, огляделись. Пейзаж нерадостный. Тундра с мерзлотными буграми, окружённая бесконечными озёрами. И по-прежнему накрапывал мелкий, занудный дождь.

– Ну и г-где твоё п-проточное озеро? – передразнил Золевского Славка, подкуривая сигарету.

– Т-ты же видел! – стал опять заводиться Золевский. – Он же н-не туда нас посадил! Я ему с-сколько тыкал? Я ему... А он всё равно – сел, куда сам за-ахотел!

– А... Ладно! – Славка выпустил струю дыма. – Хрен ли теперь орать – давай думать, где палатку ставить. Пошли, посмотрим... что тут у нас.

И они разбрелись осматривать территорию.

Территория оказалась такой, какой она представилась с самого начала. Тундра, тундра, тундра... Озёра и мерзлотные бугры. Северная пустыня. С одной стороны – вдалеке стояли одинокие кедры, с другой – тянулся ряд худосочных лиственниц. «Остров»... И где, спрашивается, ставить палатку? Нет! Это не самый главный вопрос...

– А где мы будем брать дрова?! – выкрикнул с другого конца «острова» Марчук. Вот самый главный вопрос!

– В жопе! – зло ответил Славка и пошёл в сторону кедров.

– Обнадёживает, – согласился Игорь.

Игорь Марчук – выпускник Киевского университета и почти Шуркин ровесник. Игорь обитал в общежитии, в комнате, куда метил попасть Шурка. У Марчука была своя семейная драма: он любил одну женщину, а на Север привёз другую, с дочерью. Почти как у Шурки. Только на тот момент Игорь выбор уже сделал.

Шурка вздохнул, взял топор и отправился за Славкой.

За четверть часа братья дошли до песчаных раздувов, на которых стояли коряжистые кедры.

Раздувы – уникальное творение природы. Иногда их появление связывают с человеческой деятельностью. Дескать, содрал человек тонкий слой торфа или ягеля – и песок, который был под ними, начинает раздуваться, завоёвывая всё больше пространства, пока не остановится: либо водотоком, либо сменой песка на глину, либо мерзлотой. Последнюю ветер (а именно он настоящий виновник раздувов), обнажив с одной стороны, начинает глотать, создавая другое природное творение, которое тоже приписывают нефтяникам-вредителям, – термокарст.

– Смотри. – Славка ткнул рукой. Прямо из песка торчала пара сухих кедров без верхушек. Рядом лежал кусок ствола с кучей сучьев. – Вот и дрова. – Славка огляделся по сторонам. – Осталось перетаскать их к палатке.

– Может, палатку сюда? – Шурке место явно нравилось.

– Ага! И полтонны груза? А потом? Обратно?

– Обратно-то зачем?

– Затем... Вертолёты на раздувы не садятся – воздухозаборники забьёт. Им пылезащитные устройства нужны, а их нет. Ладно, давай бери сколько сможешь и тащи. А я ещё нарублю. Тебе с твоей рукой... – Славка забрал у Шурки топор и принялся рубить сучья у лежащего ствола.

Когда Шурка принёс дрова на болото, то обнаружил, что мужики уже перетаскали вещи на мерзлотный бугор, возвышавшийся над местностью, и начали устанавливать палатку.

– На бугре-то не помёрзнем? – огляделся Шурка.

– Тут такая подушка торфяная! – Игорь попрыгал. – Не замёрзнем. А вы дрова нашли?

– Нашли. Таскать далеко. Буран где?

– Вон, за аккумуляторами на подстилке. Пофигу ему и дождь, и комар.

Комар! Комар уже вылез и начал потихоньку жрать. Потихоньку – это потому, что пока ещё холодно. Завтра пригреет – и он даст просраться!

– На бугре, значит, решили? – Славка тоже притащил вязанку дров. – Эт-т правильно! Я тоже об этом подумал... Воду во-о-о-он в той луже брать будем, а дрова натаскаем... – И он с грохотом свалил сучья возле костра.

Золевский с оптимизмом поддержал Славку:

– Я пилу взял. Ручки приделаем – дров на-напилим...

– ...и рыбы на-наловим... – добавил Славка, и все засмеялись.

Следующие пару часов они пилили и таскали дрова, ставили палатку, выкладывали настил из лиственничных брёвнышек и привезённых досок, устанавливали печку, носили воду. И всё время, не прекращаясь ни на минуту, моросил дождь. Космогеологи вымокли до нитки. У Шурки лопнул волдырь, и теперь невыносимо саднила рука. Хорошо бы перебинтовать... да толку? Если перебинтовать, надо держать руку в покое... А работать кто будет? Пушкин? Больничный же не выпишут...

– Всё! Шабаш! – Григорич вогнал топор в бревно. – Вода вскипела, пошли перекусим чего-нибудь...

– Пошли, пошли, – выглянул из палатки Славка. – Я свет уже сделал.

Григорич достал из рюкзака банку кильки в томате, открыл и сунул Бурану. Буран запыхтел, зачавкал.

– Всякой ты его гадостью кормишь! – пожалел собаку старший.

– Сейчас пусть это жрёт, завтра кашей накормлю.

– А сколько времени? – Марчук взглянул на небо.

– А полдевятого, – в тон ему, посмотрев на свои карманные, отозвался Славка.

– Ни хрена себе... – Шурка почесал затылок. – Светло же...

– Чего ты хочешь: белые ночи! – Игорь хлопнул Шурку по мокрому плечу и толкнул к палатке. – Забирайся, у меня презент есть.

– Презент? Какой презент? – засуетился Золевский.

Игорь забрался в палатку и достал из рюкзака бутылку рябины на коньяке.

– А-а-а-а-а! – взвыл Славка. – Высокий класс!

И он принялся накрывать импровизированный стол из ящичков:

– Давайте устраивайтесь... Шас, я тут сала, колбасы из дома... Завтра нормальной жратвы наготовим, а пока этим перекусим.

Игорь разлил по кружкам. Молча чокнулись, выпили и взяли по бутерброду. Через пару минут внутри потеплело, растеклось...

– Ну и хрен с ней, с рыбой! – первым высказал общее мнение Славка. – Не больно хотелось.

И полез настраивать приёмник ВЭФ, который таскал с собой во все поля.

Утром Шурка проснулся, когда все ещё спали. Что-то его толкнуло. Он поднялся, оделся и вышел из палатки. Вовсю светило солнце. Тёплое, ясное утро. Рядом с Бураном на корточках сидел Шуркин пятилетний сын Влад и гладил собаку. Влад?! Собаку?! Он же до смерти их боится...

– Привет, Владь.

– П'гивет... – Влад немного картавил.

– А мамка где? – Шурка присел рядом.

– Вон, возле кост'га.

Шурка повернулся и увидел Соню, она что-то помешивала в котелке.

– Привет.

– Привет, – повернувшись к Шурке, улыбнулась Соня...

– Шур. Шура. Шурка!.. – шипел кто-то. Он открыл глаза и увидел брата. – Пойдём, чего покажу, – Славка старался говорить шёпотом, чтобы не разбудить остальных.

– Саньч, сколько времени? – спросили голосом Марчука из крайнего спальника.

– Восемь! Там у нас мороз и солнце! Я уже кашу сварганил.

– Во-восемь?! – заговорил и зашевелился ещё один спальник. Открылся верх, и оттуда показалась бородатая лысая голова Григорича. – Вставать пора однако.

– Ты чего, Шур, стонал? – Игорь выбрался из спальника и теперь последовательно надевал штаны, энцефалитку, натягивал сапоги. – Сон, что ли, эротический видел?

– Сон. Не эротический. Но яркий... Про своих.

– Это багульник, – зевнул Золевский, выползая из спальника.

– Чего багульник? – не понял Шурка.

– Багульник... Лёгкий га-галлюциноген. У меня на болоте всегда сны цветные. Багульник!

– И не только багульник! – возразил Славка.

– Смотри! А чего у тебя глаза блестят? Ты-то чего нанюхался?! – Золевский нацепил очки. – Пациент беспокойный!

– Пойдём – покажу. – И Славка выбрался из палатки.

– Пойдём, посмотрим... – Шурка полез за ним.

От вчерашней слякоти не осталось и следа. Небо яркое, синее; ослепительно-белое солнце, и над болотом пелена пара. Буран уютно устроился возле костра, положив остроухую морду на передние лапы, лежал неподвижно, двигал только глазами, наблюдая за людьми. Над костром висел котелок, в нём аппетитно побулькивала и дымилась каша.

– Смотри. – Славка присел и потянул за ветку молоденькую лиственницу, которая росла возле входа в палатку.

– И что?

– Видишь цветочки розовенькие?

– Всё-таки нанюхался...

– Да ты посмотри!

Шурка пригляделся, на кончиках веточек топорщились маленькие шишки, действительно, чем-то похожее на розовые цветы.

– Понюхай.

Шурка наклонился.

– Что, наркоманы? – поинтересовался вылезший из палатки Золевский. – Чего нюхаем?

– Лиственницу.

Аромат, который источали цветочки лиственницы, был тонкий, нежный... едва заметный.

– Интересно... здесь же нет пчёл... – удивился Шурка. – Для кого она так пахнет?

– Для Саньча, – присоединился к Ребровым и Золевскому Марчук. – Он у нас всегда всё нюхает. Дайте мне нюхнуть, а лучше дайте чего-нибудь пожрать.

– А всё готово. Григорич, я твоему Бурану вчерашнюю колбасу скормил.

– Балуеть ты его!

Буран услышал, что говорят о нём, повернул к Славке глаза и вежливо постучал хвостом, тихо посвистывая носом.

За завтраком они распланировали день:

Григорич идёт в дальний обход на восточную сторону месторождения, возможно, с ночёвкой, – у него там свои задачи лесника;

Игорь остаётся на хозяйстве: заготовить дров, сварить ужин. Кроме того, он займётся дешифрированием аэроснимков, сличая их с местностью;

Ребровы выбирают профиль под локацию и намечают точки контрольного бурения;

Буран, как пенсионер, сам решает, с кем и что ему делать.

Пока собирались, Буран крутился возле хозяина, но когда тот, закинув рюкзак за плечо, взял ружьё и свистнул пса, – только грустно посмотрел на Григорича и побрёл к костру.

Всё! Закончилась молодость... Он и в прошлый выезд, без ночёвок, никуда с Григоричем не ходил. Вместе с младшим Колгановым оставался на базе, где они на пару тырили печенье из общих запасов. Точнее, тырил Сашка, а Буран припирал его к дереву и отбирал. Сашка отпихивал пса ногой, но не тут-то было: восьмилетний пацан мало что может сделать со взрослой

лайкой, даже если лайка – уже старик. В тот выезд все видели, как собака может быть слепой, точно старый дед. Буран наткнулся на лопату до глухого удара мордой. Старость – не радость.

И в этот раз Буран решил: не нужны ему прогулки. Пошёл и лёг возле костра. Тем более уши, лоб и голое брюхо Григорич от гнуса намазал ему «Дэтой». А для носа пёс ещё с вечера сам выкопал яму, куда и прятал морду.

Григорич с досады крякнул и ушёл.

А ещё через полчаса ушли Ребровы. Они собрались осмотреть западную часть месторождения, изучить раздувы... ну и за одно всё же поглядеть: нет ли подходящих для рыбалки мест? Надежда поставить сетку не покидала космогеологов. Причём именно сетку, никто же не собирался торчать с удочкой – некогда. В поиске рыбы Славка решил ориентироваться на чаек, летало их вокруг великое множество, разных видов и разных размеров.

Ближе к полудню воздух прогрелся, и «наконец» появились комары – радость несказанная. Было их много, по самарским меркам – прямо-таки до хрена, но старший уверял, что комар ещё «вялый», ещё «не встал на крыло». Шурке от этого легче не становилось: он кутался в энцефалитку и мазался «Дэтой». Намазаться тщательно он не мог – мешала повязка на руке. Но, несмотря на все принятые меры, комар с нарастающим аппетитом жрал нежное Шуркино аспирантское тело. Славка посмеивался. Старший взял фотоаппарат и прикидывал: что бы ему такого снять. В те стародавние времена в аппарате была заряжена плёнка всего на 36 кадров, не расщёлкаешься. Но один кадр младший себе выпросил. Шурка стоял в расщелине по колено в снегу, а над его головой вилась туча комаров. Под фотографией Шурка подписал: «7 июня 1990 года» и отослал Ане.

К четырём Ребровы вернулись на раздувы – и тут же были атакованы крачками, небольшими чайками с хвостом-вилкой, как у ласточек. Птицы зависали в воздухе и из такого положения бесстрашно пикировали на незваного гостя. Старший тут же решил, что это «тот кадр», поставил младшего на возвышенность и велел не уворачиваться от чаек. Шурка пугался бесстрашных птиц и отгонял их лопатой. А Славка кричал: «Не бойсь, брательник, они не кусаются!» Может, и не кусаются, но схлопотать острым клювом по голове в Шуркины планы не входило, и он продолжал размахивать лопатой. Наконец Славка поймал удачный – как ему показалось – кадр и нажал кнопку.

К шести часам окольными путями они добрались до своей кочки. Игорь уже приготовил рисовую кашу с тушёнкой, что было как нельзя кстати.

Так прошёл второй день. Григорич на базу не вернулся, но его особо и не ждали: тот с самого начала рассчитывал на пару дней соло.

На сон грядущий старший принялся читать вслух книжку «Птицы Севера», которую прихватил с собой. Оказалось, чайки питаются «где угодно» и «чем угодно», до целлофановых пакетов включительно, и места их обитания никак не связаны с рыбой... А крачки, те самые, с хвостами, как у ласточек, способны прогнать медведя, бесстрашно атакуя его острыми клювами. «Не укусят они... ага», – ворчал Шурка.

Ночью ему опять снились цветные сны: но какие и про что – он не запомнил.

Наутро Славка опять поднялся раньше всех и приготовил молочную кашу – полевые бригады возили с собой банки концентрированного молока. Остатками вчерашней каши накормил Бурана.

За завтраком старший предложил времени не терять и всем троим идти на профиль: сразу и лоцировать, и бурить. И завтра, снова втроём, пройти в крест сегодняшнему профилю – таким образом получить полное представление о почвах и грунтах месторождения. А чтобы вечером было чем ужинать, Славка наварил каши с тушёнкой.

Буран, когда мужики уходили, долго провожал их взглядом, пока те не перевалили за очередной мерзлотный бугор.

В целом день получился обыкновенный. Славка лоцировал, Шурка с Игорем пробурили пять скважин на восемь метров – зафиксировав, по выражению Игоря, «пески до глубокого обморока».

К шести они вернулись на базу и застали Григорича. Тот возился с костром, разогревая кашу.

– Б-буран с вами? – первым делом поинтересовался он.

– Нет. – Славка снял с себя аппаратуру, отстегнув провода. – Когда мы уходили, он на базе оставался. Может, спит где? Или погулять пошёл?

– М-может... Я полчаса назад пришёл – его нет. Ладно, хрен с ним. Побегает – вернётся. – И Григорич продолжил разогревать кашу, помешивая её длинной ложкой.

– Конечно, – негромко заметил Игорь, – побегает. Собака-то совсем молодая...

Золевский глянул на Марчука, но ничего не сказал, только недовольно хмыкнул.

После ужина Ребровы занялись выводом на самописец. Игорь делал описание проб, а Золевский разбирал свои травки.

Часов в десять, когда уже стало холодать, Славка осторожно поинтересовался у Григорича, что он думает делать – Бурана-то нет.

– Ага! Искать его пойду! – взорвался Григорич. – Мне делать больше н-не хрен, как только лайку, за-заблудившуюся в тайге, искать!

– Старый он у тебя, – возразил Славка.

– Пропадёт – и хрен с ним! – плюнул Золевский. – Спать давайте!

Легли, но никому не спалось: то один, то другой поднимался, выбирался из палатки, садился на бревно, курил, вороша костёр и разглядывая солнце, которое никак не хотело уходить за горизонт. Наконец к двенадцати угомонились.

К утру Буран не вернулся.

Золевский уже не хорохорился и ходил мрачный, как туча.

– Вот куда он, за-зараза, подевался?! – в конце концов не выдержал он.

– Пойдём искать, – предложил Славка, собирая рюкзак на профиль.

– Где? Куда идти-то?

– По твоему вчерашнему маршруту. Он же тебя встречать пошёл.

– А работать к-когда будем? – Золевский был расстроен, растерян. Он не знал, что делать.

– Ну хорошо... – Славка отложил рюкзак и взялся за аппаратуру. – Давай подождём. До вечера. Действительно, стрёмно лайку искать в тундре. Мужики, готовы?!

– Готовы, готовы... – Шурка с Игорем выбрались из палатки.

И разошлись. Григорич ушёл на запад, а остальных ждал профиль в крест.

Снова к шести радиолокационная группа вернулась. Григорича ещё не было, впрочем, как и Бурана. По-быстрому сварганили макароны с тушёнкой. «Щас дух тушёнки до них дойдёт – и оба прибегут как миленькие», – приговаривал Славка.

Но прибежал один Золевский. Причём прибежал с востока и был сильно расстроен. Вернувшись часа полтора назад, он сразу ушёл по старым следам – искать Бурана. И... не нашёл.

Григорич сидел, курил и рассуждал вслух, куда же могла пропасть собака?

Ребровы молчали, а Марчук разглядывал снимок, будто на нём можно было увидеть, где сейчас Буран.

– Ладно, – сказал Славка, затушив сигарету, – с таким настроением всё равно жрать не хочется. Пошли искать! Чего ты там, Игорь, высмотрел? Рассказывай!

– Смотрите. – Марчук разложил снимок на полене. – Вот так шёл Григорич... А вот здесь, южнее, длинное озеро. Если Буран ушёл туда, то тогда он не может пройти к нам. Напрямую – озеро мешают, а в обход – сил нет. Посмотрим?

– Километра... три? – прикинул Славка.

– Три д-двести, – автоматически уточнил Григорич. – Пошли.

– Ага. Только давай звать.

Они двинулись веером. Золевский пошёл своей старой дорогой, Игорь – на южный конец озера, а братья – к озеру напрямую. Толку от Ребровых ожидалось немного, но, учитывая, что пёс белый, они могли его разглядеть первыми. Минут через тридцать первым собаку позвал Золевский. Потом крикнул Бурана Игорь. Потом стали орать Ребровы.

Ещё минут через десять братья почти вышли к озеру. И тут Славка остановился, пристально вглядываясь в противоположный берег.

– Шурка! Смотри. Во-о-о-он там! Что-то белое?

– Где? – не мог сориентироваться Шурка и вертел головой.

– Да вон! В той ложине! Видишь – между двух листвянок?

Действительно, там шевелилось что-то белое.

– Буран?

– Да вроде собака...

– Идём к Золевскому?

– Ты давай к Григоричу, а я – к Игорю. Мы его, паразита, в клещи возьмём! – И Славка двинулся вдоль озера направо.

– Только ты это... – окликнул его Шурка. – Не зови уже... Не сбивай.

– Ладно, – махнул Славка и пошёл, высоко задирая на кочках ноги.

Шурка ещё раз глянул в сторону Бурана и направился к Григоричу.

Меж тем Золевский продолжал кричать и высвистывать пса. Шурка шёл вдоль озера и видел, что Буран – а теперь его уже отчётливо было видно на фоне серо-зелёной тундры – движется навстречу Григоричу. И тут Григорич встал, прикуривая, и замолчал. И Буран лёг! Он не видел людей. Он шёл на голос. Вот тебе и глухой!

– Зови! – закричал Шурка Григоричу. – Зови его!

– Бура-а-ан!!! – изо всех сил заорал Григорич. Пёс поднялся и пошёл.

Ещё через двадцать минут Золевский добрался до него, поднял, перекинул на шею и повернул обратно.

За километр до базы Шурка нагнал Григорича.

– Н-нет у него сил, – Григорич шмыгнул носом, – с-совсем... Боюсь, с-сдохнет.

– Да ладно... – начал Шурка, но осёкся. Голова пса безвольно висела на плече хозяина, из носа стекала струйка крови, глаза были открыты, а в них – такая тоска... что Шурке самому захотелось плакать.

Дойдя до палатки, Григорич аккуратно положил пса на землю, вытер ему нос, налил в миску воды и подsunул под морду. Почуввав воду, Буран несколько раз лизнул, но потом убрал голову и закрыл глаза.

– Как он? – спросил Славка, когда они с Игорем подошли.

– Хреново... – Григорич сидел на бревне напротив Бурана и курил.

– Может, мы его это... в палатку сегодня?

– Обойдётся – пусть здесь отходит... если отойдёт... Или уже совсем отойдёт. – Золевский бросил в костёр папиросу, поднялся и открыл банку рыбных консервов в томате.

– Опять ты ему гадость! – возмутился Славка.

– Н-не ори! – осадил его Григорич. – Любит он эти консервы. Любит.

Пёс не сдох и к утру оклемался. Выпил всю воду, съел консервы и даже поел немного макарон. Когда мужики поднялись, он встретил их в любимой позе у потухшего костра: морда на передних лапах, уши торчком.

Золевский с минуту смотрел на него, а потом дрогнувшим голосом произнёс:

– Лучше бы ты с-сдох вчера... За-за-раза.

Буран виновато присвистнул и постучал хвостом.

В тот день он от костра не отошёл ни на шаг. И в следующий. И даже когда космогеологи затеяли пробурить на вершине бугра скважину в мерзлоте и надрывно выли мотобуром почти три часа, он только отошёл немного дальше и снова лёг, всем видом показывая, что никуда он больше не двинется. Хватит. Нагулялся.

На шестой день с утра ждали вертолёта.

Был уже обед, но ни один пролетающий борт не обращал внимания на четырёх космогеологов с собакой. Они лежали на брезенте, раздевшись по пояс – ветерок отгонял комаров – и грелись в скупых лучах северного летнего солнца. Буран пристроился в ногах у хозяина. За пару дней он оклемался, но всё равно от палатки отходил не дальше чем на десять метров, да и то по нужде.

Время шло, а вертолёта всё не было.

Хорошо, что погода приличная. Они и палатку сняли, и печку затушили. А если дождь и снег?

– Всегда так ждать приходится? – вяло, не открывая глаз, поинтересовался Шурка.

– Когда как... – Марчук поднялся и окинул взглядом небо. – Они капризные, вертолётчики эти... Тебе Ярослав Алексаныч не рассказывал, как мы общались с ними на Чучу-Яхе?

– Не рассказывал, – отозвался сам Славка, приподнялся на локте, достал сигарету и подкурил. – Когда это было-то? Год назад? Мы на точку прилетели – я её два дня по снимкам выбирал – командир так же вот отказался садиться, куда я показал. Сказал, берёза высокая – за лопасти, мол, боюсь. Ну и посадил прямо в болото. Чуть не в няшу! – Славка затянулся и выдохнул. – Потом задолбались вещи таскать на гриву. Метров двести по болоту. Хорошо, вещей меньше было. Я напоследок ему пообещал: вырублю берёзу к х... ам и построю ему вертодром, гаду! И сколько дней там жили, ходил с утра – строил площадку. Вырубил всю берёзу под корень, поросль сжёг... Я даже крест выложил... – Славка сделал ещё несколько затяжек, затушил сигарету и кинул в лужу.

– И чего?

– Чего-чего... Ничего! Он прилетел и сел в пятидесяти метрах от площадки в такой же березняк. Похрену ему та берёза – он её потоком от лопастей гнул. Двигатели же он не останавливал!

– И мы, как балбесы, таскали вещи с площадки к вертолёту! – смеялся Игорь. Он достал из ящика пачку печенья и стал распечатывать её. Буран, услышав знакомое шуршание, ползком перебрался поближе, метя хвостом.

– Спрашиваю: «Чего на площадку-то не сел?» – продолжил Славка. – Он: «А там песок! А пылезащитников у меня нет! Не выдали!» Вот такие они орлы... вертолётчики эти. – И Славка опять откинулся на полог. – Золевский! Спишь?

– Нет.

– Как думаешь, будет вертолёт сегодня?

– А хрен его знает! Сейчас вот так полежим-полежим и п-пойдём палатку ставить.

Игорь и Буран хрустели. Пёс не переживал, будет сегодня вертолёт или не будет, он лежал рядом с хозяином, его угощали любимым печеньем, а остальное ему было до лампочки.

И всё-таки в тот день за ними прилетели.

К часу дня на горизонте показался Ми-6, и поначалу они на него даже не взглянули. Какой чудак будет посылать «грузовик» за экологами-геологами куда-то в таркосалинские болота? Но с приближением характерного свиста пятнадцатиметровых лопастей воздушного гиганта их уверенность, что таких чудачков нет, таяла. Когда вертолёт завис над ними, размётывая незакреплённые вещи, они кинулись одеваться и собирать.

Садиться и грузиться в такие огромные вертолётки трудно, особенно с болота. Помог экипаж, его в Ми-6 аж пять человек – у них даже штурман есть. Про него сами вертолётчики сочинили стишок: «Ручки вместе, ножки вместе – получаю тыщу двести».

В Тарко-Сале их встречал Гришка. Подогнал уазик прямо на поле вертодрома, помог загрузиться. Перед тем как тронуться, заглянул в салон:

– У меня два вопроса: как Буран и как у Шурки рука?

Шурка разбинтовал, глянул – совсем уже поджила.

– Смотри, – показал он Гришке.

– Поехали. Буран, я и сам вижу, хорошо...

– Люди забыли эту истину – сказал Лис. – Но ты не должен её забывать. Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили. И ты отвечаешь за свою розу...

– Я отвечаю за свою розу... – повторил Маленький принц, чтобы хорошенько это запомнить.

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»

Интермедия. Ваня

Полгода после переезда в Северный Шурка жил у старшего брата. Ярослав взял его в семью... третьим ребёнком. Даже раскладушку Шурке поставили в детской комнате, где на двухъярусной кровати спали его племянники: Славка (Ярослав-второй) одиннадцати и тёзка Сашка двенадцати лет.

Но бесконечно так продолжаться не могло. Жил Шурка без прописки, а значит, без талонов на сигареты, водку, масло и сахар. Последние два пункта стали головной болью для жены Ярослава, Инны. Семья большая, и лишний рот без талонов – проблема для хозяйки. Времена тогда были такие – невесёлые.

Осознав сложность ситуации, Шурка вытребовал себе жилплощадь в общежитии. Метил на комнату Марчука, но Игорь завис в ней на неопределённое время. И в начале ноября Ребров вселился в восьмизэтажку, в комнату, где уже жили двое: татарин Ильдар и чуваш Иван.

Чем занимался Ильдар – никто не знал. Вроде бизнесом. Тогда было модно «заниматься бизнесом», и это могло означать всё что угодно. Вёл себя «бизнесмен» вызывающе: кроме бизнеса тогда в моду входил татарский сепаратизм, и у Шурки с Ильдаром из-за этого были отдельные проблемы. Хорошо, что Ильдар в общежитии появлялся редко, жил у своей подружки.

Другое дело – Ваня. Простой рабочий парень, водитель «лаптёжника»². Шурка познакомился с ним, ещё когда приходил смотреть комнату. Разговаривал Иван с акцентом, как потом Шурка выяснил: родом сосед из деревни – крепкий, неуклюжий, весь какой-то похожий на медведя.

Первые встречи, пока Шурка только перевозил вещи, Ваня держался насторожённо. Никуда не сдался ему в простом рабочем общежитии очкарик и интеллигент Шурка. И Ваня всё не мог выстроить линию общения.

В день заселения Ребров пришёл поздно, часов в девять. Ваня с товарищем сидели за столом и выпивали. Шурка поздоровался, сходил в ванную умылся, разделся и собрался спать. Ваня предложил выпить, мол, не по-людски, надо бы посидеть, познакомиться. Но у Шурки настроения не было, он без обиняков так и сказал: «Вернулся с полевых, сил нет...» Лёг и тут же задремал.

Проснулся оттого, что Ваня несколько раз не по-доброму помянул его имя:

– Вот... б... ь, заселили очкарика... б... ь, пить он с нами не шелает... разговаривать не шелает... как же, интеллигенция! – Ваня говорил глумливым голосом, собутыльник гаденько подхихикивал.

Шурка повернулся в их сторону, глянул на стол, там стояли початая бутылка водки и два стакана, наполненных на треть. Значит, пока он дремал, успели ещё сбежать. В восьмизэтажном общежитии была куча точек, где можно было разжиться водкой в любое время суток.

– Ну и чё надо? – спокойно поинтересовался Шурка.

– Да так... стрёмно... Нет пы бутылочку принёс тля знакомства или хоть пы выпил за компанию, – гнул свою линию Ваня.

Шурка вздохнул, скинул с себя одеяло, поднялся и подошёл к столу. Взял с полки стакан, дунул в него, поставил, взял бутылку и, не глядя на Ваню и его друга, налил полный. Поставил бутылку, поднял стакан на уровень груди, вдохнул-выдохнул и, не отрываясь, выпил до дна. Последние глотки дались с трудом, но Шурка задавил тошноту. Поставив стакан, он взял кусок хлеба, занюхал, куснул, положил на стол и, жуя, отправился к себе в кровать.

– Ни х... себе! – оценил Ванин друг.

– Шурка, ты кте так пить научился? – Обалдевший Ваня рассматривал пустой стакан.

² КрАЗ–225Б.

– В авиационном, – присев на кровать, доложил Шурка, – на радиотехническом. А теперь, мужики, всё! Спать хочу. Бутылку за знакомство принесу завтра. Договорились?

– Пес пазара. – Ваня сгрёб всё со стола и ушёл с товарищем квасить в другое место.

Так – классически, по-шолоховски – Шурка познакомился с Ваней.

Но друзьями они стали позже.

Уже в середине декабря, Шурка вернулся из Тюмени, из Центральной партии, вернулся и после пятидневного отсутствия застал Ваню в совершенно безнадёжном состоянии.

Ваня тогда не работал... И женщины у Вани не было... А русский мужик, даже если он чуваш, когда у него нет бабы и работы, – пьёт. И потому все пять дней Ваня пил, не просыхая. И допился до того, что, когда Шурка вошёл, удивился: откуда это Ребров так поздно?

Шурка переспросил, в каком смысле?

«Ну как же, сейчас ведь три часа ночи!» – бредил наяву Ваня.

В декабре, конечно, темнеет рано, но на три часа ночи ситуация явно не тянула. Шурка присмотрелся: красные глаза, одутловатое лицо, растрескавшиеся губы, и ещё, хотя Ваня лежал под одеялом, его била крупная дрожь.

– Давно бухаем?

– Как... ты... уехал, – икающим голосом признался Ваня.

– Ясно. Чего-нибудь жрал?

На столе стояла пустая консервная банка, валялся засохший кусок хлеба и одиноко возвышалась пустая водочная бутылка.

– Шур, а у тепя... чиколон есть? – произнёс Ваня жалобно.

– Нет, – задумчиво качнул головой Шурка.

По пятницам в Аэрокосмогеологии баня. Но вести туда Ваню опасно: может и очокуриться. С другой стороны, как-то надо выручать дурака. Разве что ещё купить водки? Но выпьет – и через полсутки опять будет в таком же состоянии.

– В баню пойдёшь?

– В паню? – Ваня сел на кровати. Руки тряслись так, что, если ему вручить палочки и барабан, Ваня выстукал бы ритм не хуже Ринго Старра. – А мощно?

– Можно-можно. Только смотри не сдохни.

И Шурка стал собирать вещи для бани. Сосед сидел, потрясываясь.

– Чего сидим? – Шурка бросил в него полотенце. – Собирайся!

Через полчаса они шли по улице в сторону бани, а Ваня забегал вперёд, заглядывал Реброву в глаза и всё спрашивал: выпьют они после бани или нет? «После пани полошено!» – уговаривал Ваня. «Выпьем-выпьем», – успокаивал Шурка.

Увидев в бане толпу очкастых и бородатых дядек, Ваня растерялся – видимо, подумал, что попал в какое-то благопристойное место. Потихоньку разделся и сел в уголочке, сложив на коленях заскорузлые с чёрными пальцами руки.

– Сосед мой. Ваня, – представил Шурка своего чуваша главному инженеру партии Нестору Богдановичу Полещуку.

Нестор внимательно посмотрел на кадра и покачал головой:

– Давно пьёт?

– Пятый день. – Шурка снял крестик и положил на полку в шкафчик. Всякий раз забывает его снять, потом обжигается в парной.

– Хреново... Веди в парилку. Только следы, чтобы копыта не откинул.

Сам Шурка баню не любил. Вот как-то так был устроен. Он многого не любил из того, что любили другие. В баню ходил из корпоративного духа – хотя и это не красило его белые вороньи перья. Но он знал, как люди любят баню, и видел, как могут самозабвенно париться.

Но так, как парился Ваня, Шурка видел впервые.

Сорок минут! Сорок минут тот не вылезал из парилки. Он поддавал и поддавал, разогнал температуру до ста двадцати, опять поддавал и в конце концов залил всю печку. При этом когда Шурка заходил – нет, забегал в парную поинтересоваться, как он, – Ваня стегал себя веником, рычал и приговаривал: «Как я люблю паню! А-а-а! Ты, Шурка, претставить сепе не мошешь... А-а-а!»

Из бани они выбрались часам к девяти. Ваня шёл по тёмной морозной улице распаренный, расслабленный, но... не умиротворённый. Видно было: душа у него горит.

Не доходя до общаги, Шурка завернул на стоянку такси купить водки (девьяностый год – сухой закон). Потом зашли в круглосуточный магазин и взяли каких-то рыбных пельменей, хлеба, томатной пасты, ржавого сала и банку рыбных же консервов в томате.

Придя в общежитие, Шурка поставил воду для пельменей, нарезал хлеба, открыл консервы, покромсал сала. Ваня за подготовительной процедурой наблюдал, пуская слюну, словно голодный пёс. Но он, гад, не жрать хотел, он выпить хотел, но понимал – Шурка ему нальёт, только если он что-нибудь съест. Последние двадцать минут, пока варились пельмени, для чуваша были самыми мучительными.

Наконец Шурка разложил пельмени, добавил в них томатной пасты, налил Ване полстакана водки и, держа его за руку, поставил условие: вторые полстакана тот получит после того, как всё съест.

Ваня не жевал. Он пропихнул в себя горячие пельмени чуть не с тарелкой. И пока Шурка ел, следил голодными глазами – когда же Ребров нальёт ещё. Шурка налил. Ваня выпил. Выпил, повеселел и стал собираться за водкой. В бутылке-то оставалось жалких сто пятьдесят граммов – Шурка и себе наливал тоже. Когда он уже оделся, между делом вслух рассуждая, у кого бы занять денег (Шурка сказал, что потратил последние), то вдруг обнаружил: дверь закрыта на ключ и ключа нет.

– Шурка-а-а-а! Ключ пропал... – сообщил он упавшим голосом.

Он, конечно, понял, что никуда ключ не пропал... Шурка сидел и молча наблюдал, прикидывая: убьёт его Ваня за ключ или не убьёт?

Не убил.

Постоял пару минут у двери, вернулся к столу, постоял, стянул куртку, бросил на кровать, посмотрел на Шурку глазами больной собаки – Ребров помотал головой – и упал на кровать лицом к стене, накрыв голову подушкой.

Шурка убрал со стола, спрятал бутылку с оставшимися ста пятьюдесятью граммами и взял книгу – телевизора у них не было. Часов в одиннадцать разобрал кровать и лёг спать. Ваня за это время ни разу не пошевелился – Шурка даже беспокоиться начал: не помер ли? Но когда он выключил свет, Ваня сбросил подушку с головы. Не помер. И Шурка заснул.

Проснулся Ребров оттого, что кто-то копошился у него под кроватью. Шурка посмотрел на светящиеся цифры часов – начало третьего. Долго Ваня продержался – молодец!

– Вань. Ты чего?

Ваня под кроватью замер, потом выбрался, сел, схватился за голову и, раскачиваясь из стороны в сторону, начал тихо подвывать.

Шурка поднялся, включил свет, достал из рукава куртки бутылку и налил Ване остатки. Ваня осторожно, чтобы не спугнуть, подкрался к столу, аккуратно двумя пальцами взял стакан, почмокал, понюхал, не спеша выпил, зашмыгнул носом и опять упал на кровать лицом к стене.

– До утра доживёшь?

Ваня интенсивно закивал.

– Ну и молодец!

И Шурка опять выключил свет.

Утром Ваня был уже более-менее. Шурка его сводил в столовую около Аэрокосмогеологии и накормил завтраком. Потом сам пошёл на работу, а Ваню отослал в общагу, взяв с него клятву, что тот без Шурки ни-ни.

Ваня насилу дождался. Но дождался! Вечером они поужинали, распив бутылку водки. Ночь прошла спокойно, а на следующий день Ваня ожил.

Ещё через три дня он устроился на работу, и Шурка стал его видеть совсем редко. Работать Ваня умел и работал, как ломовая лошадь. Они встречались, только когда тот приходил отсыпаться. При этом Ваня, раздеваясь в полудрёме, рассказывал, как на Сугмуте – километров двести от Северного – он кого-то спасал... кого-то вытягивал из снега... куда-то возил громадные катушки силовых кабелей... В общем, лошадь – она и есть лошадь. Добрая, всех спасает, всех выручает, водки только нельзя наливать. Шурка и не наливал.

До Нового года они только один раз вместе выпивали, причём с ними выпивал и их сосед Ильдар, которого откуда-то принесло. Точнее, это они упали Ильдару на хвост: тот в одну из пятниц сидел и пил в одиночестве.

Но Ильдар надрался и снова завёл любимую тему – об избранности татарского народа. Причём он тут же это хотел доказать, набив Шурке морду и приглашая для этого этнически родственного чуваша. Ваня его от Шурки оттащил, скрутил и, глядя в лицо, громким, зловецким шёпотом произнёс:

– Русские для чувашей стелали фсё! Они таже в космос чуваша сапустили. Ты про Николаева снаешь? Снаешь?! Я спрашиваю! – Ильдар кивнул. – Он третий космонафт. Третий! Ты понял. А если ты, татарская морта, ещё путешь Шурку опишать, я тебя б... упью на х... Понял? – И, дождавшись ещё одного кивка, он толкнул Ильдара на стул, взял свой стакан и выплеснул в мусорное ведро, громко добавив: – Пить с топой не хочу!

На том инцидент был исчерпан.

А в январе Шурка привёз семью и ушёл на съёмную квартиру.

Они и потом продолжали встречаться. Ваня помог Шурке достать доски для кровати, которую они со Славкой собрали уже в новую Шуркину квартиру – не продавалась тогда в магазинах мебель. Он же занял Шурке денег на подержанный цветной телевизор. Не продавались тогда телевизоры в магазинах. Ваня никогда не жалел денег. Если они у него были – раздавал налево и направо.

Такая неуёмная щедрость как-то его подвела. Ване предложили поучаствовать в «бизнес-проекте»: привезти пива и водки из Сургута и продать в общаге с наценкой. Пиво и водку привезли, но Ваня устроил сабантуй на всю общагу, и все всё выпили, даже не удосужившись расплатиться с Ваней. Наварил Ваня денег...

Уже летом 93-го Ваня по собственной инициативе предложил братьям съездить на его «лаптёжнике» за грибами. «Я, Шурка, шареной картошки с грипами хочу, как мамка телала, только не снаю, кте они растут, как они растут, вы со Слафкой покашите, а мы фместе съестием».

К тому времени он уже был знаком и со Славкой.

Братья и рады были показать, но на «лаптёжнике» в такие места не проедешь. Всё равно съездили – не в грибах, в конце концов, дело! И даже что-то насобирали. Возле Северного – и не в грибных местах, и не в грибной год – всегда можно их найти. И Ваня насобирал, хотя, как оказалось, действительно не разбирался в грибах – и это десять-то лет прожив на Севере! Из леса они вернулись к Славке, нажарили общую добычу с картошкой и лучком и употребили всё это под холодненькую водочку.

А потом они виделись всё реже... реже. Реже и...

Совсем Ваня пропал осенью 94-го. Уехал в отпуск на Большую землю, на родину – в свою чувашскую деревню – и не вернулся.

Что больше всего обидно Шурке – он его фамилии не помнит...

И ещё про Ваню. Хотя нет, про Наташку

Дверь распахнулась, и звонкий, слегка с хрипотцой женский голос крикнул: «Вань, хорош массу давить!»

Шурка под одеялом с шумом выдохнул. Они что, вчера не закрылись? Кого ещё принесло? Он вернулся поздно с «полей». Потом они с Ваней приговорили «пузырёк» беленькой (обещанная входная Реброва), душевно поговорили и спать легли уже после полуночи, и вот сегодня праздник, день Седьмого ноября – красный день календаря, спать бы и спать, а тут орут над самым ухом.

– Наташка, б... ть... сараса, кончай орать по утрам! – заматерился Ванька.

– А чего не орать, Вань? Ты мне чего обещал, а? Говорил, Седьмое ноября справим вместе! Уже десять, хорош дрыхнуть, блин! – продолжал бужить женский голос.

– Да встану я, встану, ты только свали! У меня стоит с утра.

– Стоит – это хорошо. Плохо, когда не стоит! – Последнюю фразу голос выкрикнул с напором и захохотал.

– Ты мне телигента разбудишь, давай не ори, – урезонивал Ваня.

– Кого-о-о-о?! Телигента? Какого ещё телигента?

Шурка под одеялом замер, но понял: заметили.

Одеяло рванули, он едва успел прикрыть себе пах руками.

– И у этого стоит! Нет, ты посмотри, какая комната! У всех стоит! Везёт же кому-то!

Шурка открыл глаза. Над ним, посверкивая золотой фиксой, улыбалась огненно-рыжая бабёнка лет двадцати пяти в джинсах и свитере. Она с пристальным вниманием разглядывала Реброва.

– Красавчик... Ваня, ты чего такого красавчика прячешь? А? Телигент, говоришь... Колись, телигент, как зовут?

Шурка, приподнявшись на кровати, потянул на себя одеяло.

– Шура. Одеяло отдай.

Наташка отпустила, Шурка упал на кровать и поспешно накрылся.

– Бухать с нами будешь? – спросила Наташка, продолжая разглядывать Шурку.

– Не собирался, – буркнул Шурка, отворачиваясь к стене. Бухать ещё с ней...

– Куда ты денешься! «Не собирался»... Соберешься... – Девушка развернулась к Ване. – Бухаем у вас! Я салатов наделаю, картошки наварю, с вас тушёнка, соленая рыба и водка! Колян будет? Нет? Ну и хрен с ним! Всё, я ушла. У Надьки, если чё. Буду через два часа.

Хлопнув дверью, она исчезла так же неожиданно, как и появилась.

– Это что было? – Шурка сел на кровати.

– Наташка, – выдохнув, ответил Ваня и, натянув одеяло, отвернулся к стене. – Я еще часик покемарю, пока эта сараса не придёт.

Выяснилось, Наташка – лепшая подруга Вани. Именно подруга, не любовница, не жена, а подруга, друг. Где-то они вместе жили, где-то работали, кто-то кого-то спасал, кто-то кому-то помогал. Хорошие друзья, в общем. И всё! Жила Наташа в соседней общаге-восьмиэтажке, к Ване заявлялась после жизненных передрыг выпить и пожаловаться на очередного «козла».

Бывает.

– Ф-у-у-у... Устала... Взмокла! А скакать ты горазд! Где научился? – Наташа тянула ворот свитера и интенсивно дула куда-то туда... в интимную глубину. Они бросили Ваньку, к которому припёрся какой-то друган, и пришли на общаговскую дискотеку.

– В авиационном.

Шурка с интересом разглядывал партнёршу. Поначалу она ему жутко не понравилась, показалось грубой и даже вульгарной. Но она не была вульгарной, нет, по факту она оказалась интересной девушкой, с хорошим чувством юмора и с каким-то воспалённым чувством справедливости. Она не была красивой. Крупные черты лица, зелёные волчьи глаза, рыжие волосы каре и золотая фикса, на которую Шурка обратил внимание с первых секунд знакомства. Коронка стояла на втором слева верхнем зубе и невольно притягивала взгляд, придавая лицу вид лихой и бесшабашный. Интересная девушка.

– Давно здесь? – Наташа потянулась сигаретой к Шуре. Он тоже достал сигарету, зажег, чиркнул. Наташа затянулась и выпустила струйку дыма вверх.

– Полгода, – ответил после затяжки Шура.

– А чего я тебя у Вани не видела?

– Только заселился, у брата жил.

– Геолог?

– Кто? Брат?

– Ты!

– Я... Я не знаю. Так, пописать вышел.

– Пописать... Ну раз пописать, пошли ещё выпьем.

– ...Понимаешь... Он любит меня. Но у него семья. Жена больная. Детей двое. Он приходит ко мне отдыхать, двое суток со мной... потом исчезает. Я ему звоню. Он не отвечает. Потом опять появляется. С цветами и вином...

– С вином? – Шурка лежал, закинув голую руку за голову, на другой у него уютно устроилась рыжая и уже почти родная голова Наташки. Шурке было приятно чувствовать рядом с собой эту по-своему сексапильную, но при этом достаточно странную девушку.

– Ну, с водкой! Где ж его, вино, сейчас достанешь... Ну и люблю-не-могу... Сюси-пуси... Опять два дня. И опять исчезает.

– Любишь его?

Они вернулись с дискотеки выпить. Выпили. И никуда больше не пошли. (Ваня с другом свалил, предварительно предупредив: «Ушёл до десяти».) Тело живой и подвижной Наташки оказалось неожиданно мягким, нежным, тонкокожим и будто светящимся. На Шуркины ласки оно отвечало чуть с задержкой, как бы нехотя, просыпаясь, растягиваясь в сладкой истоме. Но искренне и без вранья.

А после этого она мгновенно изменилась. Из разбитной, грубоватой, даже циничной вдруг стала тихой, задумчивой и... несчастной. Была маска? Маска.

– Я? Его? Не знаю. Наверное, люблю... Понимаешь...

Абсурдная ситуация, отметил про себя Шурка, все кого-нибудь любят, но почему-то спят с другими. Он вот Аню. Или Соню? Но сейчас с Наташкой. Бред бредовый.

– Понимаешь... Наверное, я его жалею. Он такой несчастный приходит. Рассказывает, как у них с женой ничего не получается, он старается, и она... Я говорила, что она у него болеет? Что-то у неё по-женски. И он её жалеет, он её любит тоже. Но ему же хочется! И ещё у них дети. Что с детьми-то делать? И я не могу перетянуть его. Но он такой... такой...

«Он тебя использует, – хотел сказать Шурка, – давит на жалость», но передумал, кто он такой, лезть в чужую жизнь?

– А ещё обещал, что летом мы обязательно поедим на море. В Крым. В Ялту. Ты был на море?

– Был. Этим летом. Как раз в Крыму. В Керчи.

– Расскажи мне про море... – Она перевернулась на живот и легла Шурке на грудь.

– Про море? Про него не расскажешь... Я ездил с подругой. Нас было четыре человека. Две пары. У друга в Керчи бабушка, мы и поехали к ней. В Керчи встречаются два моря, Азов-

ское и Черное. На границе морей остров Тузла, туда хорошо приезжать, если хочешь позагорать голым. Мы специально приехали, народа там почти нет, мы были одни и купались голыми...

– А вы в море это... – Она замолчала.

– Чего?

– Ну... занимались... сексом? – Она подняла голову и внимательно посмотрела Шурке в глаза.

– Пробовали. Неудобно. Вымывается все, ну, у вас... там... В общем, не очень...

– Не холодно?

– Нет, море плюс двадцать пять.

– Плюс двадцать пять... А там песок или камни?... – Она снова легла на спину, подняв руку с часами к лицу. – Ой!

– Что?

– 9.55! Сейчас Ванька придёт. Вставай! Проводишь меня? Ты ведь проводишь?

Шура пошёл провожать. По морозному ночному городу (Север же, начало ноября, а уже минус двадцать) они гуляли часа два. Наташа расспрашивала про море. Шура вспоминал: и шторм, и как ловил рапанов, и даже как в детстве с родителями ездил в Гагру.

К полночи они добрались до комнаты Наташи, ещё выпили, закусили соевым шоколадом, Шурка собрался уходить, но неожиданно остался... Спали плохо, часто просыпались, пару раз занялись любовью, Наташа снова просила рассказать про море, засыпала под Шуркины рассказы, засыпал Шурка, а потом всё сызнова. Ближе к утру Наталья совсем расклеилась. У неё разболелась голова, стало знобить, и в шесть она выпроводила Шурку домой. «Заходи», – буркнула она напоследок, закрывая за ним дверь.

– Нае... ся? – сквозь сон спросил Ваня, но Шура не стал отвечать грубияну. Разделся и упал спать.

Больше Наташу Шура не видел. Пару раз пытался зайти, но её не оказывалось дома. Соседка врала, что она там, сям, где-то и когда-то будет, Шура видел, что врёт, но почему Наташа не хочет с ним встретиться, объяснить себе не мог. Не мог объяснить и Ваня, просто отбрёхивался: «Папы! Раси поймёшь?» Бабы... Не поймёшь...

В январе Шурка привёз семью и уже к февралю забыл думать про странную рыжую девушку с золотой фиксой.

Интересно, съездила она на море?

Рассказ третий. Зачем в тундре верёвка?

В начале января 1991 года Шурка возвращался из Куйбышева.

Куйбышевым Самаре оставалось быть буквально три недели: такие настали исторические времена, всё везде переименовывали.

Из Куйбышева-Самары он вёз на Север семью: жену Сою и пятилетнего сына Влада. Студентка Аня оставалась в Самаре. Неожиданно для себя она завела себе нового мужика. Шурка поехал, чтобы набить конкуренту морду, но дело закончилось грандиозной пьянкой и всеобщей мировой. Аня сказала, что всех любит, заставила мужиков пожать руки, целовала обоих, а на прощание Шурке шепнула: «Ты заезжай... Буду ждать». Шурка пообещал, но для себя решил, что как-нибудь потом... позже... может быть. И вообще, что ни делается – всё к лучшему. И всё вернулось на круги своя.

Ехали младшие Ребровы с пересадкой. До Сургута долетели, от Сургута – поездом. Не то чтобы Шурка сэкономил деньги, просто зимой до Северного прямого самолёта из Куйбышева не найти. А, впрочем, денег на самолёт тоже не было. Тогда много чего не было, и работа на Севере ситуации не меняла.

Привёз Шурка семью в квартиру, которую снимал в «деревяшке».

«Деревяшка» – это социальное щитовое быстровозводимое жильё, рассчитанное на временное проживание, УНИМО³. Но народ зависал в нём не на один десяток лет. Строилось оно из профеноленных древесно-стружечных щитов, возводилось до двух этажей в высоту, подвалов не имело, замечательно горело и при этом, несмотря на фенольную составляющую, было прекрасным убежищем для мышей и тараканов. Иногда складывалось впечатление, что именно для них оно и строилось, а люди... А люди, они не навсегда: отравятся фенолом, умрут – новых заселят.

Вот в таком доме Шурка и снимал однокомнатную квартиру. Её хозяин по незначительному делу сел на годик и, чтобы жилище не пустовало, сдал его Шурке.

Состояние квартиры было ужасающим. Куча хлама, горы мусора, батареи пустых бутылок, грязь. Потребовались поистине героические усилия, чтобы превратить её в жилое помещение. Ребровы это сделали в «пробный» приезд Сони в ноябре, когда они только начали «склеивать разбитую чашку». А после Нового года Соня и Влад перебрались в Северный «навсегда».

А квартирка вдобавок оказалась ещё и холодной, когда они вошли с поезда, было в ней не выше плюс двенадцати, но Шурка посчитал, что это даже к лучшему: тараканы и мыши будут не так активны. Соня их боялась до обморока. Жену и сына Шурка привёз третьего января, а уже четвёртого уехал на полевые работы.

Какие такие полевые работы в начале января, спросите вы?

Да обычные такие полевые работы.

Подрядчиком по строительству межпромысловых автодорог для Северной нефтяной компании являлась организация с экзотическим названием «Латдорстрой». Нет-нет, это были не потомки латышей, переселённых Сталиным. Это были обычные граждане тогда ещё немножко советской Латвии. Деньги в Сибири платили. Правда, по тем историческим временам уже год как никто никому не платил: в стране начинался этап накопления первоначального капитала... Читайте Карла Маркса, там всё написано...

Так вот. Подрядчику требовался песок для отсыпки дорог. И несмотря на то что в районе Сибирских Увалов практически всё кругом сложено из песка, в некоторых местах, например, в районе Вынгайхинского месторождения, песок на болоте лежал глубоко под торфом. А для строительства нужен сухой. А где его взять? А есть такая контора – аэрокосмогеологиче-

³ УниМо – Универсальный модуль. Но обычно пишется со всех больших букв. Или со всех маленьких: «унимошка»

ская партия, – которая может по космическим снимкам отыскать такое место, а потом, используя подповерхностную радиолокацию, подготовить к разработке песчаный карьер. Оба метода сродни шаманству, но вполне себя оправдывают, если только ими не берутся искать нефть.

Ранним утром 4 января 1991 года Шурка надел унты, полушубок и ушанку, поцеловал жену и сына, вышел на улицу и направился в партию.

Он шёл по тёмной улице: светает на Севере зимой не раньше десяти, воздух ощущался приемлемо морозным – что-то около минус пятнадцати, для Севера – сущие пустяки.

В партии уже суетился народ: Полищук, Бевзенко, Марчук, Золевский и, конечно, Славка. Последние трое вместе с Шуркой – полевая бригада.

Что интересно: никто из перечисленных не планировал ни в детстве, ни в отрочестве, ни даже в студенческой юности вот так, зимой, на Севере, отправляться на полевые работы, жить в палатке, топить буржуйку, спать в спальниках, не бриться и не мыться неделю, две, три...

Ребровы – выпускники радиотехнического факультета Авиационного института. Авиационного! Игорь Марчук – выпускник Киевского университета, по образованию географ. Географ! Григорич окончил Новосибирский университет, биологический факультет. Пожалуй, только он достаточно долго был связан с полевыми работами – пару десятков лет занимался лесным хозяйством и не вылезал из тайги. Ботаник! Так вчерашние аспиранты и работники институтских кафедр зарабатывали деньги. Впрочем – не самый худший способ. Вот только не платили... А кому тогда платили?

Груза с собой, как обычно, полтонны: снова те самые два комплекта армейских палаток с разделкой под печку, та же печка-буржуйка, родные зилевские аккумуляторы, комплект радиолокационной аппаратуры, мотобур со шнеками, мотопила, ящики с едой, спальники, доски под спальники, брезент... и, конечно, радиоприёмник ВЭФ! А иначе со скуки сдохнешь – зимой работы от силы часов на шесть в сутки, с десяти до четырёх, а потом темень, и надо как-то заполнять время. А тут новости... Или концерт Наташи Королёвой... А что? Или Тани Булановой. Повышает настроение. И стимулирует.

Шмотки в узик загрузили ещё с вечера. Паковались без Шурки – ему дали пообщаться с семьёй. Паковались-паковались и напакковались. Водитель Гришка ходил злой с похмелья. И если остальные могли позволить себе граммулечку, то ему точно ничего нельзя.

– Давай-давай-давай... – подгонял он всех. – Хватит копать! Раньше сядешь – раньше выйдешь! Вчера уже всё собрали. Поехали!

Но Нестор Полищук по-начальнически оборвал его:

– Не сепети, Григорий! Сейчас мужикам здоровье поправлю, и поедете!

В гараже накрыли небольшой столик: сало, чёрный хлеб, лук, чеснок, бутылка водки. Нестор аккуратно разлил бутылку на пять стаканов, поднял свой – все потянулись, чокнулись.

– Ну, чтобы всё пошло хорошо! – Полищук выпил и аккуратно занюхал кусочком хлеба.

Остальные последовали его примеру, выпили, крикнули и разобрали закуску.

– Богданыч, ты с латышами созванился? – Золевский как бригадир волновался больше всех.

– Да ждут вас там, ждут! – И, оглядев бригаду, Полищук скомандовал: – Всё, мужики, по коням!

Полевики погрузились, Гришка завёл узик, и они выехали.

До Янгапура – два часа – дорога прошла в дрёме. В «Латдорстрое» их ждали и сразу препроводили к начальнику. Кто-то наплёл ему, что едут «космонавты»... и прямо из космоса будут искать место под песчаный карьер. Пришлось объяснять, как на самом деле творятся чудеса.

Но космические снимки живо заинтересовали господина Медведева – а какая ещё могла быть фамилия у главного «латыша»? – причём больше всего его интересовали поймы со ста-

рицами, а в некоторых местах – и русла рек. Рыбаком оказался начальник, заядлым рыбаком. Часто встречающаяся страсть в Западной Сибири среди руководящего состава, и не только.

– А вы, значит, базу возле реки наметили? – радостно потирал руки господин Медведев, разглядывая снимки.

– Да. Вот з-здесь. – Григорич указал пальцем на снимке. – Тут излучина Вынгаяхи, а тут – п-предположительно песчаная грива, песка там уйма, н-надо только проверить мощность сухого.

– Метра два-три точно есть, – пообещал Славка. – Надо только...

– погоди, – отмахнулся начальник, – погоди, а рыбачить-то вы собираетесь? – Он внимательно оглядел космогеологов. Рыбалка-то – она интереснее сухого песка. А песок... да куда он денется, песок этот?

– Ну-у-у-у... – неуверенно замычал Золевский. – Сетку-то мы взяли... Попробуем, наверное.

– Попробуйте! Обязательно попробуйте. А если рыбалка пойдёт, я на выходные приеду к вам. Договорились? – Медведев протянул руку Григоричу.

– Договорились, – пожал руку Золевский.

Через сорок минут, перегрузив свои полтонны в ГТТ, полевики выдвинулись на Вынгаяхинское месторождение.

Поездка на «гэте» – занятие муторное, но для Шурки уже знакомое и даже родное. Всё вокруг ревет, грохочет, стучит, лязгает и отдаёт в спину. Даже поговорить нельзя – всё равно никто ничего не слышит.

Вёз космогеологов главный механик «Латдорстроя» Янис со сложной прибалтийской фамилией – а за рычагами сидел механик-водитель Стас Медведев – родной племянник начальника, совсем молодой парень, только-только закончил срочную службу в танковых войсках – и сразу «по благу» на Север. Шурка такой же «блатной» – его устроил брат. На Севере вообще одни «блатные»... Там же курорт, и денег прорва...

Спустя два часа вездеход прибыл на большую поляну посреди леса. Местом для базы полевики выбрали старую площадку разведочной буровой.

– А я всё думал: что такое на-на с-снимке? – радостно кудахтал Золевский, выглядывая из дверцы вездехода. – Ва-вагончик! И палатку ставить не надо. Сейчас мы ему щели за-заделаем...

– Молодец, старый! – Игорь выглядывал из-за спины Григорича. – Молодец!

– Молодец-молодец... – Славка ревниво растолкал их и выбрался на броню. – Стас, сдавай задом к вагончику, я скомандую.

Вездеход сдал – они выгрузились. Латыши хотели подождать, пока парни устроятся, но старший Ребров отправил их: по темени возвращаться – не самая лучшая идея, даже и с включёнными фарами.

– Правильно, Саныч! А то стоит тут, воняет... выхлопными газами. – Игорь только что откуда-то приволок дверь – своей двери у вагончика не было.

– Ты откуда такие ворота притащил, лишенец?

– С толчка снял, – радостно доложил Игорь, похлопывая рукавицей по колену – сейчас дорнитом⁴ обошью... Классная дверь получится!

– А как мы в т-туалет ходить будем... без двери? – возмутился Золевский.

Шурка смекнул, сейчас начнут мужики прикалываться. Дверь им для туалета... И туалет. Ага... Где присел, там и туалет!

– Да! – подхватил Славка. – Как теперь стучаться и спрашивать: «Занято?»

⁴ Дорнит – разновидность геотекстиля, нетканое полотно из синтетических волокон (полиэфирных или полипропиленовых).

– Поставить обратно? – Игорь развернулся с дверью.

– Да ладно. Всё равно инеем покроешься, пока сидишь, – никто и н-не заметит. – Григорич взял мотопилу. – Тёзка, пошли за дровами! – кликнул он Шурку. – Печка у нас адская, жрать будет кубометрами.

– А откуда у нас такая печь? – Шурка с восхищением разглядывал здоровенную буржуйку в вагончике.

– Столовая тут, по ходу, была. – Игорь прислонил дверь и зашёл внутрь.

– Похоже... – Славка заглянул и покрутил головой. – Даже что-то вроде столов вдоль стен. Ладно, мужики, давайте за дровами, а мы с Игорем попробуем обустроить эту холеру.

Дрова тёзки пилили и таскали, пока можно было угадывать в надвигающейся темноте, где дрова, а где пила.

Тем временем Славка с Игорем завесили одной палаткой пару окон, второй перегородили вагончик на две половины – иначе никогда не протопить эдакую громадину. Доски уложили поперёк на столах в дальней части, на досках расстелили брезент. Установили аккумуляторы, подключили пару лампочек и даже уже попытались растопить печку.

Семьдесят на семьдесят, полметра высотой, с солидной толстой трубой, запустить такую печку чрезвычайно сложно. С первого и до последнего дня ею занимался исключительно старший Ребров. Он её ласково называл: «атомный реактор», и при розжиге разве что только не камлал.

Процесс запуска был непрост и строго регламентирован. Для начала в печку загружалась береста с мелкими чурочками, которые старший заботливо готовил, отщепляя топором лучины, аккуратно укладывая поближе к печке, чтобы просохли. Того, кто задевал и ронял чурочки, Ребров матерно ругал и обещал отлучить от еды и тепла. Приняв такой любовно приготовленный запал, печка для начала делала удивлённый вид: «А это вы чё в меня насовали?», и начинала капризничать. У неё никак не появлялась тяга, а без тяги огонь задышался, смесь тлела, гореть не собиралась и отчаянно дымила. В этот сложный момент Славка то открывал дверцу, то закрывал, то дул в печку, то, приплясывая, замахивал воздух полевым журналом. Делал всё, чтобы организовать тягу. Длилось представление минут десять, потом в печке накапливалась горячая смесь и воспламенялась. Печка делала: ПУХ-Х-Х, распахивала дверцу, извергала облако сажи и заводилась, как реактивный двигатель. И после этого в неё только успевай подкладывать. Спалить она могла пару кубометров древесины за час запросто, как и предрекал Григорич. Не верите? Ну ладно-ладно... Не пару. Но много могла спалить. Труба у неё при этом становилась огненно-красной. И уже через четверть часа в вагончике теплело, а ещё через полчаса сидельцы от жары начинали выбрасываться на снег. Если после этого печку остановить, то минут через сорок наступала благоприятная температура, расцветали цветы, и благоухали розы. Но ещё через полчаса температура снова падала ниже нуля, печка окончательно тухла, и, чтобы развести её, всё приходилось начинать сызнова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.